

ЧУЖОЙ МИР. ЧУЖИЕ ПРАВИЛА. ОДНА ЦЕЛЬ.
ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ.

СКОРО БУДУ

ДОМА

Том II: Торг

Тёмное фэнтези • попаданцы • LitRPG

ADAM WALKER

Adam Walker

Скоро буду дома. Том II. Торг

Серия «Скоро буду дома», книга 2

<https://litres.ru/74109616>

SelfPub; 2026

Аннотация

Адам Уокер умер на Земле — и открыл глаза в чужом мире, под двумя лунами, за тысячу миров от всего, что любил. Дома остались жена и сын. И единственное, что ведёт его теперь сквозь чудовищ, подземелья и чужие интриги, — упрямая, выжигающая всё остальное мысль: вернуться к ним.

Дорога домой ведёт вниз — на самое дно великого Колодца, исполинского подземелья, вокруг которого выросла столица. Ярус за ярусом Адам спускается всё глубже и становится сильнее. Но чем ближе цель, тем яснее: в этом блистательном городе у него есть невидимый враг. Тайный Орден плетёт свою паутину в гильдиях, среди знати, в самом дворце — и однажды эта паутина смыкается вокруг самого Адама.

В этом мире за всё приходится торговаться. За силу. За правду. За жизнь тех, кто успел стать дорог. И каждая сделка имеет свою цену.

Вопрос лишь в том, сколько Адам готов заплатить — чтобы однажды сказать: «Скоро буду дома».

Содержание

Глава 1. На своих ногах	4
Глава 2. Добыча	12
Глава 3. Расчёт	19
Глава 4. Союз поневоле	25
Глава 5. Логово	32
Глава 6. Плата	39
Глава 7. Корвенгард	47
Глава 8. Столичная гильдия	55
Глава 9. Маркиз Эрвейн	65
Глава 10. Должок	72
Глава 11. За столом	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Adam Walker

Скоро буду дома.

Том II. Торг

Глава 1. На своих ногах

Я шёл на север уже много дней и давно сбился со счёта. Сначала я их считал — по привычке аналитика отмечать всё, что можно отметить. День первый, второй, третий. Потом перестал. Дни на дороге слиплись в один: серый рассвет, разбитая колея под ногами, лес по обе стороны, вечер, ночь, и снова рассвет. Грейфолл остался далеко позади, за спиной, вместе со свежими могилами на холме и со всем, что я там оставил. А Корвенгард был ещё где-то впереди, за неделями пути, и я шёл к нему — медленно, упрямо, на своих ногах. На своих ногах. Так, как привык. После осады Грейфолла я стал сильнее. Намного сильнее. Я понял это не сразу — только на третий или четвёртый день пути, когда от нечего делать навёл «Анализ» на самого себя, как привык наводить на тварей. И замер. Раньше моя собственная строка была короткой и скупой: имя, бронзовый разряд, голый уровень — число, что медленно ползло вверх всю зиму. Теперь всё стало иначе. Сам «Анализ» будто наточили — он сделался подробнее,

точнее, словно кто-то протёр мутное стекло, через которое я смотрел на мир. Уровень после хозяина провала, громады и целой орды разом подскочил до сорока — будто тот гнев, что поднял меня со снега, сжёг какую-то ступень и зашвырнул меня выше. Но не это было главным. Под уровнем появились новые строки, которых прежде не было вовсе. Сила. Ловкость. Выносливость. Здоровье. Каждая — со своим значением. Я видел теперь не просто, что силён, а насколько и в чём именно. Аналитик во мне порадовался бы такой ясности, будь у меня настроение радоваться. А в самом низу была ещё одна строка, на которой взгляд застрял надолго. Магия. Прежде её не было. Теперь была — но значение рядом с ней не горело, как у прочих. Оно было погашено, перечёркнуто: заблокировано. Та сырая мощь, что я копил всю зиму из убитых тварей, к этой строке словно не имела отношения вовсе. И, шагая по пустой дороге, я думал, что бы это значило. Настоящая магия — та, что течёт иначе и которой, по словам Кесса, владеют только в больших городах, — мне не давалась никогда, ни разу. А теперь система впервые показывала мне эту запёртую дверь прямо, одной строкой: способность есть — доступа нет. Будто говорила: однажды, может быть. Если найдёшь ключ. Что это за ключ и где его искать, я не знал. Но отметил для себя крепко: в Корвенгарде, где, говорят, и живёт настоящая магия, об этом стоит разузнать в первую очередь. И всё же, как ни был я теперь силён, гнать себя по дороге я не стал. Не потому, что спешить было некуда, —

домой я рвался каждой жилой, до зубовного скрежета. А потому, что бежать было попросту бессмысленно. Корвенгард — не дом, а лишь первая нить. Я мог примчаться туда вдвое быстрее и не стать к дому ближе ни на день, потому что самой дороги домой по-прежнему не знал. Гнать меня сейчас должны были не ноги, а голова. Так что я шёл ровно, размеренно — и на ходу думал, складывал, считал. И дело было не только в теле. В ту ночь, когда горе сорвало во мне какой-то засов и гнев поднял меня, сломанного, со снега, я заглянул во что-то, чего раньше в себе не знал, — и оно не закрылось обратно до конца. Я чувствовал его на самом дне себя, как чувствуют тёмную воду под тонким льдом: тихое, огромное, ждущее своего часа. А ещё — холодное кольцо в кошеле теперь будто бы не спало так крепко, как прежде. Иногда, на самой грани сна, мне казалось, что оно чуть теплеет в ответ на эту тёмную воду во мне, отзывается на неё, как отзывается струна на близкий звук. Что это было, я не понимал. И потому пока просто шёл и нёс это в себе, как несут непонятную, но важную ношу, — до поры, когда найдётся, кто объяснит. Думать на дороге было о чём.

Я думал о Дорне. Это не отпускало. Я не плакал по нему — я вообще не умел плакать, разучился где-то между той машиной без номеров и чужим лесом, в котором очнулся. Но он шёл со мной каждый день. Я нёс на поясе его старый охотничий нож — потёртый, с костяной рукоятью, отполированной за тридцать лет его ладонью, — и каждый раз, ко-

гда брался за него, на миг будто слышал хриплый стариковский голос: «Чего разлѣгся, тебе не положено». Он закрыл меня собой. Отдал своё «ничего» за моё «всё». И последним, что он сказал, было не про себя — про меня. «Иди домой, парень. Дойди». Я шёл. И до своих, и до тех.

Потому что вместе с Дорном на дороге со мной шло и второе. Холодное. Кольцо, перечёркнутое чертой, — тот самый знак, что проступал на шкурах тварей, которых мы жгли под Грейфоллом. Орден. Те, кто согнал и пригнал на маленький город орду, как таран к воротам. Те, кто, может, даже не знал имени старика, которого этим убил,

— и спокойно занимался своим делом дальше. Я не знал ещё, кто они, сколько их и где их искать. Но я знал, куда тянется первая нить. В Корвенгард. В большой город, где есть большая Гильдия, где сидит Рейнар с его серебряным знаком, где, по словам Кесса, водятся те, кому интересны «не только искры». Три дороги — дом, Орден, месть за старика — сошлись для меня в одну. Северную. И я шёл по ней.

Мир по обе стороны этой дороги менялся, и менялся к лучшему — если можно так сказать про места, где меня всё ещё могли убить. Дикий Предел остался позади. Я уходил от него с каждым днём, и это чувствовалось во всём. Лес перестал быть той сплошной чёрной чашей, что обступала Грейфолл, кишашей тварями и дырами. Здесь он был обычным лесом — живым, шумным, с птицами, с нормальным зверьём, с просветами полей между перелесками. Воздух пах

не гнилью и серой полутьмой Предела, а просто землёй, талой водой и хвоей. Кое-где у дороги попадались следы людей: брошенная стоянка, старая верста, развилка с покосившимся столбом. Раз или два вдалеке мелькали крыши деревень. Чем дальше от Предела — тем спокойнее становилась земля, и тем гуще на ней жили люди. Я к этим людям не выходил. Деревни обходил стороной, постоянные дворы, что изредка попадались у больших развилок, миновал, не заглядывая. Не потому, что боялся, — а потому, что не хотел. После Грейфолла, после того, что я там сделал на поле, после того, как на меня смотрели уцелевшие — со страхом, — мне не хотелось чужих глаз. Одиночество дороги было мне сейчас впору, как разношенный сапог. К тому же незачем было светить серебром и хозяйской искрой в случайных кабаках по пути: жирный куш на поясе да чужие любопытные взгляды — верный способ нарваться на нож в спину где-нибудь на безлюдном перегоне. В большом городе я разберусь, кому и что показывать. А до тех пор — чем тише, тем целее. Так что ночевал я под открытым небом.

К вечеру я сходил с дороги, забирался поглубже в лес, выбирал место посуше — под выворотнем, у большого камня, в затишке между корней, — и устраивался на ночь. Огонь разводил маленький, прикрытый, чтоб не видно было издалека. Заворачивался в плащ, клал меч под руку и спал чутко, вполуха, как привык в Пределе, где спать крепко означало не проснуться. И ел я тем, что добывал сам. Припасы, какие

дала мне в дорогу Бренна, кончились ещё дня три назад, и с тех пор я кормился охотой. Это было нетрудно. Здешний лес, в отличие от Предела, был полон обычной, честной дичи — той, что годится в котелок, а не той, что годится тебя сожрать. А у меня было то, чего нет ни у одного охотника в этом мире. В тот вечер я учуял добычу раньше, чем увидел, — научился за зиму чувствовать живое вокруг. Сошёл с тропы, двинулся беззвучно между деревьев и вышел на небольшую прогалину. На ней, опустив голову к молодой траве, стоял рогатый зверь вроде косули — тонконогий, чуткий, готовый сорваться с места от любого хруста. Я навёл на него «Анализ» — по привычке, не задумываясь. Над зверем всплыло то, что видел только я: имя породы, низкий уровень, скудные строки силы и выносливости

— обычная лесная дичь, ничего опасного. Тот новый, подробный «Анализ», к которому я ещё привыкал, тут был и ни к чему: чтобы добыть ужин, хватило бы и старого. Я не стал тратить на дичь силу. Ни к чему было дробить её ударом в кашу. Я просто метнул нож Дорна — коротко, точно, как старик меня и учил той первой зимой, когда ещё был жив. Зверь дёрнулся раз и упал, не успев даже испугаться.

— Спасибо, старик, — сказал я тихо, вытаскивая его нож. — Кормишь меня до сих пор.

Я освежевал тушу, развёл свой маленький костёр в укромной ложбинке и поджарил мясо на прутьях. Ел молча, глядя в огонь, и думал ни о чём и обо всём сразу. Странное это

было состояние. Я был один, на чужой дороге, в чужом мире, за тысячу миров от дома, и впереди у меня был только долгий путь и враг, которого я ещё в глаза не видел. Меня должно было бы раздавить этим. А меня не давило. После Грейфолла во мне будто выгорело всё лишнее — страх, жалость к себе, метания. Осталось простое и твёрдое, как остывший уголь: я иду домой. По пути я найду тех, кто убил Дорна. И ни то, ни другое меня не остановит. Иногда я думал о тех, кого оставил. О Финне — выживет ли он, станет ли тем, кем растил его Дорн, или Предел сожрёт и его, как сожрал отца. О Бренне, о Кессе, о маленьком израненном Грейфолле, что отстраивался сейчас без меня. Я ушёл и, скорее всего, никогда их больше не увижу — так уж устроена дорога. Но я нёс их в себе, всех, вместе с девятнадцатью могилами на холме. Я многих не уберёг. И это была ещё одна причина дойти до конца — чтобы хоть что-то из всего этого оказалось не зря.

Перед сном я, как всегда, достал из поясного кошелья кольцо — то, тёплое, стёртое изнутри. Обручальное. Надел на палец, посмотрел на него в свете углей. Где-то за тысячей миров спала в своей рубашке Мира. Где-то рос без меня Лео — и, может, уже начинал забывать моё лицо, как забывают в три года. Я закрыл глаза и позволил себе одну минуту просто побыть мужем и отцом. Всего одну. Больше я себе не позволял — больше было опасно, больше — и можно сломаться. Потом снял кольцо, спрятал обратно в кошель — туда же, где лежало второе, холодное, чужое, из незнакомого тёмно-

го металла. Тёплое — дом. Холодное — то, чего я ещё не понимал.

— Скоро буду дома, — сказал я в темноту, тихо, одними губами. — Скоро. И уснул под чужими звёздами, у маленького костра, один посреди огромного мира.

Глава 2. Добыча

Их я услышал раньше, чем увидел. К полудню следующего дня дорога вывела меня в холмистый, лесистый край, где она петляла между перелесков, то ныряя в тень, то выбегая на солнце. Я шёл, думал о своём — и вдруг впереди, за поворотом, из-за стены деревьев донеслось то, чего на пустой дороге быть не должно: голоса. Грубый смех, конское фырканье, скрип несмазанных колёс. Несколько человек. Повозка. Зимняя привычка сработала раньше мысли. Я сошёл с колеи и беззвучно скользнул в подлесок — туда, где меня не видно, а мне видно всё. Не потому, что испугался. Просто в Пределе тот, кто выходит к незнакомцам на открытое место первым, чаще всего и умирает первым. А я отвык доверять случайным голосам на дороге. Я залёг в кустах на пригорке над поворотом и стал смотреть.

Из-за деревьев на дорогу выкатилась их компания. Восемь человек, пешие и верховые вперемешку, обвешанные оружием не посолдатски, а как попало: топоры, ножи, у одного лук за спиной, у другого — хороший меч. Лица обветренные, наглые, с тем особым самодовольством, какое бывает у людей, привыкших брать чужое и не платить за это. Они не таились — шли по дороге как хозяева, громко, лениво, как ходят там, где их некому остановить. А в середине их шайки тащилась телега. Тяжёлая, доверху гружёная.

Я видел тюки, мешки, окованный сундук, свёрнутые ковры, какую-то посуду — вещи, собранное явно не в одном месте и не у одного хозяина. Награбленное. Где-то на дороге, а может, в целой деревне, эти восьмеро взяли всё, что плохо лежало, и теперь везли это к себе, не торопясь, уверенные в своей безнаказанности. Кто они такие, мне сказал «Анализ». Я навёл его на них по очереди, спокойно, как привык теперь читать всё живое, — и над каждым, под именем и уровнем, стояло одно и то же слово: разбойник. За зиму здесь я успел повидать разных людей, но читать их с одного взгляда, как это умели местные, ещё не научился — за меня это делала система. Восьмеро разбойников. Новый, подробный «Анализ» развернул их мне, как открытую книгу: под именами — строки силы, выносливости, здоровья. Я читал их и складывал на ходу. Их старший — коренастый, с проседью в бороде, — стоял повыше остальных уровнем, но и он был мне не страшен. Остальные — мелочь, обычные дорожные шакалы, опасные для безоружного крестьянина или одинокого купца и пустое место для меня. Ни один из них не дотягивал и до половины того, что я носил теперь в себе. Холодный счёт сошёлся быстро: если бы мне понадобилось, я положил бы всех восьмерых, и это не отняло бы у меня и пары минут. Понадобиться, впрочем, не должно было. Меня это не касалось. У меня была своя дорога. Я уже собрался отползти назад и обойти их стороной, переждать, пропустить и идти дальше своим путём — когда увидел то, что было в телеге поверх

награбленного.

Среди тюков и мешков, привалившись спиной к окованному сундуку, со связанными впереди руками, сидела девушка. Молодая — лет двадцать пять, не больше, а может, и меньше. Бледная, стройная, с волосами редкого, необычного цвета: пепельными, светло-серыми, как остывшая зола. Я отметил это коротко, по делу, как отмечал на дороге всё прочее: молодая женщина, связана, брошена в телегу поверх чужого добра. И поймал себя на том, что смотрю на неё дольше, чем нужно. Отвёл взгляд — почти сердито. И всё же посмотрел снова, теперь уже по делу: держала мой взгляд не красота. Другое. Она не плакала. Не дрожала, не вжималась в сундук, не умоляла взглядом. Пленницы так себя не ведут — я насмотрелся на чужой страх и знал ему цену. А эта сидела прямая, спокойная; связанные руки лежали почти расслабленно, словно верёвка была временной досадой, а не бедой, а светлые глаза не метались — двигались медленно, цепко, ощупывая разбойников одного за другим, дорогу, телегу. Так не сидит жертва, которая ждёт спасения. Так сидит тот, кто выжидает свой час. Будто ястреб, которого посадили в клетку: он сидит смирно ровно до тех пор, пока не отыщет в прутьях щель. От её спокойствия мне стало не по себе сильнее, чем от всех восьми топоров. Я навёл на неё «Анализ» — как наводил на любого, кого хотел понять. Он прочёл её ровно, без запинки, как читал разбойников. Имя: Кассия. Уровень — выше, чем у любого в этой шайке. А над

уровнем стояло то, от чего вся картина окончательно перестала складываться: искатель, серебряный ранг. Серебро. Не крестьянка и не купеческая дочка, которую сцапали на дороге, — гильдейский боец серебряного ранга, из тех, кто в одиночку спускается в провалы и берёт заказы, какие не всякому отряду по плечу. А восьмеро дорожных шакалов такому рангу были, по уму, на один зуб. И вот серебряный ранг сидел смирно, связанный, в их телеге. Так не бывает. Что-то тут было совсем не так. Один раз её взгляд скользнул по кромке леса — по самым кустам, где я лежал, — и на долю мгновения будто зацепился. Я не шевелился; я умел не шевелиться. Я прятался от тварей в Пределе так, что они проходили в шаге и не чуяли меня. Но под этим скользящим светлым взглядом мне впервые за долгое время стало не по себе — словно меня увидели насквозь. Потом её глаза двинулись дальше, лениво, как ни в чём не бывало. «Показалось», — сказал я себе. Но осадок остался. Один из разбойников, проходя мимо телеги, бросил ей что-то — то ли слово, то ли смешок, я не расслышал, — и лениво потянулся схватить её за подбородок. Я думал, она отшатнётся. Она не отшатнулась. Подняла на него глаза — спокойно, в упор, без страха и без вызова, — просто посмотрела. И здоровенный бородатый мужик с топором на поясе почему-то убрал руку и отошёл, буркнув что-то под нос, будто это он тут был не в своей тарелке, а вовсе не она. Связанная женщина одним взглядом, без единого слова, осадила вооружённого разбой-

ника. «Кто же ты такая?» — подумал я. Я лежал в кустах и чувствовал, как холодный, расчётливый порядок у меня в голове идёт трещинами. Восемь разбойников были задачей. Простой, с известным ответом: обойти и идти дальше. А она задачей не была. Она была загадкой — а загадки я мимо себя пропускать не умел никогда, ни в той жизни, ни в этой. Я лежал тихо и слушал. Обрывки их ленивой болтовни долетали до меня вместе со смехом.

— ...до места ещё день тащиться, не меньше, — ворчал один. — Лысый, поди, заждался. — Пушай ждёт. С таким возом не разгонишься.

Их старший, не оборачиваясь, бросил через плечо что-то про «лучшую добычу за всю осень» — и мотнул бородой в сторону телеги. В её сторону. Остальные загоготали, и от этого гогота мне захотелось спуститься к ним прямо сейчас, не дожидаясь ничего. Я разобрал не всё, но главное понял: у них есть логово, где их ждёт какой-то Лысый — судя по всему, главарь всей шайки, — и тащиться им туда ещё долго, не один день. И эту девушку они считают не случайной добычей, а особенной — чем-то, что стоит дороже всех ковров и сундуков в их телеге, вместе взятых.

Я лежал в кустах и торговался сам с собой. Доводы рассудка были ясны и холодны, как лезвие. Это не моё дело. У меня одна дорога — на север, в Корвенгард, к Мире, к Лео, к Ордену. Ввязаться в чужую драку с восемью бандитами из-за незнакомой женщины — значит наследить, привлечь внима-

ние, потерять время, а то и схлопотать дурную рану в самом начале пути. Я дал себе слово: тихо, незаметно, мимо. Самое умное сейчас — отползти назад и забыть, что я их видел. Через час они уйдут, и дорога снова будет моей. Так говорил расчёт. А что-то другое во мне говорило иначе. Я вспомнил Грейфолл. Девятнадцать у Гильдии. Лица тех, к кому я не успел. Я слишком хорошо знал теперь, каково это — пройти мимо чужой беды и потом носить её в себе. И вот передо мной — связанная женщина в телеге разбойников, которых я мог раскидать одной рукой. Если я сейчас отползу и уйду, я буду знать, к чему её везут. И это знание я тоже понесу с собой, добавлю к остальным. А ещё было третье — то, в чём я себе пока не признавался. Её лицо. Пепел этих волос. И сама она вся — загадка, которую мне до зуда хотелось разгадать. Я взвесил всё это — и нашёл, как водится, удобный, разумный с виду выход. Серединку. Не бросаться вниз с обнажённым мечом, очертя голову, — это было бы глупо и не похоже на меня. Но и не уходить. Проследить. Идти за ними тихо, лесом, поодаль, и посмотреть, куда они её везут и что это вообще такое. А там, на месте, спокойно решить — вмешиваться или нет. Так я сказал себе. Что просто посмотрю. Что ещё ничего не решено, что я ни во что не ввязываюсь, что это всего лишь разведка — а разведка ни к чему не обязывает. Это был хороший торг. Убедительный. Я ведь умел убеждать — себя в первую очередь; всю прежнюю жизнь я только тем и занимался, что подбирал цифрам и решениям

красивое, разумное оправдание. Вот и теперь я разложил всё по полочкам так гладко, что выходило: осторожный, трезвый человек просто проявляет осмотрительность, не более того. Ни слова о пепельных волосах. Ни слова о том, что тянуло меня вниз, к этой телеге, помимо всякого расчёта. Телега, скрипя, прокатилась подо мной и скрылась за поворотом. Голоса и смех стали глуше. Я выждал, поднялся, отряхнул с плаща хвою — и беззвучно двинулся следом, держась деревьев, не выпуская из виду серое пятно её волос среди чужого награбленного добра.

Глава 3. Расчёт

Они встали на ночлег, когда солнце село. Весь день я шёл за ними лесом, поодаль, не теряя из виду телегу. Это было нетрудно: они и не думали таиться или замечать след — кому таиться, когда ты сам гроза этих дорог. К вечеру разбойники свернули с колеи на широкую поляну, явно знакомую и обжитую, распрягли коней, развели большой костёр и устроились так, будто были у себя дома. Я залёг в темноте, за кромкой деревьев, и стал смотреть. Они ели, пили, громко смеялись. По кругу пошёл мех с выпивкой, и языки у них быстро развязались. Караульного выставили одного, да и тот скоро уселся у костра, грея спину и поглядывая больше в огонь, чем в темноту за спиной. Эти люди не ждали беды. За ними не стояло закона, который мог бы их догнать, не было силы, которой стоило бояться. Так им казалось. До меня долетали обрывки их пьяного хвастовства. Они были довольны собой — добычей, лёгкой дорогой, тем, что ждёт впереди. Раз или два в болтовне снова мелькнул Лысый, и снова — она, та, что сидела у колеса. О ней говорили с гадким, предвкушающим смешком, и слов я разбирать не стал: довольно было смешка. Кассию стащили с телеги и бросили у дальнего колеса, в стороне от огня, всё так же со связанными руками. Она не съжилась, не забилась в тень. Сидела, привалившись к колесу, и смотрела на их гулянку тем же спокойным, цепким

взглядом, что и днём. Один раз её глаза медленно прошлись по тёмной стене леса — по тому самому краю, где лежал я, — и мне снова, как утром, показалось, что она знает: в темноте кто-то есть. Чего-то она ждала. Только не спасения.

Я лежал в темноте и торговался с собой в последний раз. Доводы остались те же и были всё так же разумны. Не моё дело. Своя дорога. Лишний риск, лишний след. Но к ним прибавилось то, чего днём ещё не было: я слишком долго на неё смотрел. Видел, как её стащили с телеги и швырнули к колесу, — и где-то внутри тяжело, глухо повернулось, помимо всякого расчёта. Я мог бы привести себе тысячу причин. Что не пройду мимо связанного человека — после Грейфолла, после девятнадцати у Гильдии. Что эти восьмеро не люди, а волки, и мир без них станет только чище. Всё это было правдой. Но я уже знал за собой слабость — подбирать поступку красивое оправдание задним числом. Решение я принял раньше, чем нашёл ему причины. Принял ещё там, в кустах над дорогой, когда не ушёл. Значит, так тому и быть. Я перестал спорить с собой и начал считать.

«Анализом» я прошёлся по каждому — медленно, по одному. Гадать, кто из них чего стоит, мне больше не приходилось: система раскрывала их до последней строки, а я складывал из этих строк план. Лучник был опаснее всех — не сам по себе, а из-за лука. Сила и выносливость у него стояли скромные, ловкость повыше прочих; против меня он не выстоял бы и трёх ударов, но, дай ему время натянуть тетиву,

в темноте он мог всадить стрелу раньше, чем я до него дойду. Значит — первый. Сразу и тихо. Старший, тот, с проседью в бороде, был крепче остальных, но день пути и выпивка своё взяли: выносливость у него просела чуть не вдвое. Не противник. Двое у костра уже клевали носом, разморённые выпивкой. Караульный сидел спиной к лесу — ко мне. Ещё трое возились с лошадьми у дальнего края поляны. Я расставил их всех по местам и по очереди — в каком порядке буду гасить, откуда заходить, где оставлять за спиной живых, а где нет. Восемь целей, восемь шагов. На бумаге — пара минут работы. В Пределе я усвоил простую вещь: бой выигрывают до того, как обнажат меч. Кто продумал, откуда зайти, кого снять первым, куда уходить, — тот побеждает; кто лезет наугад — гибнет, даже будучи сильным. Этих восьмерых я уже победил, лёжа в траве. Оставалось встать и сделать то, что я и так решил. Оставалось дожидаться, когда ночь и выпивка сделают за меня половину.

Ждать пришлось недолго. Костёр прогорел, разговоры стихли, головы поникли. Когда последний у огня уронил подбородок на грудь, а караульный окончательно перестал смотреть в темноту, я поднялся из травы — и пошёл.

Двигался я быстро и беззвучно, как научился в Пределе, где громкий шаг означал смерть. Лучник так и не понял, что произошло, — я снял его первым, у края поляны, прежде чем он успел повернуть голову к своему луку. Караульный у костра что-то слышал, но слышал поздно: начал подни-

маться, начал открывать рот, чтобы крикнуть, — и не успел ни того, ни другого. А потом поляна проснулась, и стало громко. Кто-то заорал, поднимая остальных. Спящие вскидывались, спросонья не понимая, откуда пришла смерть, шарили в траве в поисках оружия. Один, ближе всех к телеге, выхватил нож и кинулся на меня — я пропустил его руку мимо, перехватил и уронил его наземь прежде, чем он сообщил, что промахнулся. Другой встал в стойку с топором — широко, заученно, как привык махать на тех, кто не может ответить. Эта привычка его и подвела: он рубил так, будто перед ним крестьянин с вилами. Крестьянина перед ним не было. Их было много, и трусами они не были — но численность против скорости и силы не значит ничего, если этой скорости и силы довольно. Я не давал им собраться вместе, встать спина к спине, опомниться. Одного встретил на полушаге, другого достал, когда тот ещё шарил в траве оброненный нож. Поляна, минуту назад полная пьяных, уверенных в себе людей, быстро превращалась в свалку тел. Я шёл сквозь них, и они ничего не могли мне противопоставить. Меч Бруна ходил в руках легко, как никогда. То, на что год назад ушли бы все мои силы, теперь не стоило почти ничего. Ни азарта, ни ярости — только холодная, ровная точность. Цель. Шаг. Удар. Следующая. Эти люди привыкли быть волками; впервые за долгое время им встретился кто-то, кто стоял в той же цепи выше. Старший продержался дольше всех — успел вскинуть топор и даже разок махнуть, метя мне в го-

лову. Я ушёл от удара, как уходят от заранее видной, ленивой ветки, шагнул внутрь и кончил его одним движением. И в самой гуще всего этого я на миг поймал её взгляд. Кассия не вжалась в колесо, не отвернулась — она смотрела на бой неотрывно, цепко, и в лице у неё не было ни ужаса, ни страха за себя. Так смотрит не жертва. Так боец разбирает работу другого бойца — оценивая, взвешивая, запоминая. Я отметил это и тут же забыл: было не до того.

Когда я остановился, звуков боя на поляне больше не было. Только треск догорающего костра, чьё-то затихающее дыхание да стук крови у меня в ушах. Восемь целей. Чуть дольше двух минут.

Год назад я, наверное, ужаснулся бы — и тому, что сделал, и тому, как легко мне это далось. Сейчас я не чувствовал почти ничего. Эти восьмеро возили связанную женщину в телеге, как мешок, и везли её к тому, о чём я старался не думать; они получили ровно то, что заслужили. И всё же холодная лёгкость, с какой я их положил, оставила во мне царапину. Я становился слишком хорош в убийстве — и не был уверен, что это та часть меня, которой стоит давать волю. Я стоял посреди разбитого лагеря и переводил дух — не от усталости, её почти не было, а оттого, что тело ещё гудело отголоском боя. Семеро лежали неподвижно. Восьмой — тот, кого я в горячке достал вскользь, плашмя, — отлетел к телеге и затих; он не шевелился, и я, не приглядываясь, счёл, что с ним покончено, как с остальными. Считать в ту мину-

ту было некогда, да и незачем — так мне казалось. Я вытер клинок о траву и повернулся к дальнему колесу. К ней. Лагерь затих. Костёр почти прогорел, и в его последнем неровном свете тела лежали тёмными грудями, а ночь вокруг стояла такая тихая, будто лес затаил дыхание. Я слышал только собственные шаги по примятой траве. И ещё — её. Её взгляд я чувствовал на себе всю дорогу, от первого шага до последнего, как чувствуют тепло или холод спиной. Кассия не пряталась, не зажмуривалась, не отворачивалась от того, что здесь только что случилось. Сидела всё так же прямо, у колеса, и смотрела на меня в упор — снизу вверх, спокойно, внимательно. Я шёл к ней через мёртвый лагерь, через тела тех, кто час назад вёз её, как добычу, и искал в её глазах хоть что-нибудь из того, что бывает в глазах у спасённых. Облегчение. Страх. Благодарность. Ничего этого там не было. Она смотрела так, будто оценивала каждый мой шаг, каждое движение, будто прикидывала что-то своё, мне пока неведомое. Я опустился рядом с ней на колени и поднёс нож к верёвке на её запястьях. Вблизи, в умирающем свете костра, она оказалась... — но я не дал этой мысли оформиться, оборвал её на половине и взялся за дело. Узел был тугой, затянутый умелой рукой — не наспех, а так, как связывают того, кого по-настоящему опасаются. Я завёл под верёвку лезвие — и почувствовал, как она вся подобралась. Не от страха. Как зверь перед прыжком. И тогда она наконец заговорила. Первое, что я от неё услышал, было совсем не «спасибо».

Глава 4. Союз поневоле

Верёвка лопнула под лезвием — и в тот же миг она бросилась на меня. Не прочь, не в сторону спасительного леса, как сделал бы любой только что освобождённый пленник. На меня. Я успел заметить, как развязанные руки сжались в кулаки, — а в следующий миг она уже была на ногах, быстрая и собранная, и первый удар пришёлся мне по лицу прежде, чем я понял, что происходит.

— Идиот! — выдохнула она. Голос был низкий, злой, совсем не такой, какой я почемуто ждал. — Ты хоть представляешь, что ты сейчас натворил? Я перехватил её второй удар — мягко, не выкручивая, просто остановив, — и отступил на шаг. Драться с ней всерьёз я не собирался, а от того, что она колотила меня кулаками по плечу и груди, мне не было ни больно, ни даже обидно. Только очень, очень странно. Меня только что отблагодарили кулаком в плечо за спасённую жизнь; за год в этом мире я навидался всякого, но такого со мной ещё не случалось.

— Обычно, — сказал я как можно ровнее, — за то, что человека вытаскивают из плена, говорят «спасибо».

— Спасибо? — Она задохнулась от возмущения. Отступила, тяжело дыша, и обвела рукой поляну — мёртвый костёр, тёмные тела, разбитый лагерь. — За это? Ты понимаешь, что ты убил мой единственный способ попасть внутрь?

Я молчал. И, молча, начал понимать. Связанный искатель серебряного ранга в телеге дорожных шакалов — то, что днём не складывалось у меня в голове никакими силами. Оно и не должно было складываться. Потому что не было ни ошибкой, ни случайностью. Это было подстроено.

— Ты дала им себя взять, — сказал я. Не вопрос. — Нарочно.

— Конечно, нарочно. — Она смотрела на меня как на не очень сообразительного ребёнка. — Их логово прячут так, что снаружи его не найти, сколько ни ищи. Зато добычу они свозят туда сами. Связанной, безоружной, на их собственной телеге — так меня провезли бы прямо в самое сердце, мимо всех постов, и никому бы и в голову не пришло, что добыча опаснее тех, кто её везёт. — Она перевела дыхание. — Мне оставалось потерпеть одну ночь. Одну. А потом явился ты — и решил поиграть в героя. Вот теперь я почувствовал себя глупо. По-настоящему. В её замысле была холодная, отчаянная дерзость, которую я поневоле оценил. Дать себя связать, лечь в телегу к убийцам, протрястись связанной полночи — и всё затем, чтобы тебя втащили туда, куда иначе не пробраться. Так не ведёт себя тот, кто заплутал и попал в беду. Так действует тот, кто работает.

— Я увидел восьмерых вооружённых мужчин и связанную женщину в телеге, — сказал я. — И сделал то, что сделал бы любой на моём месте.

— Любой дурак, — поправила она.

— Возможно, — не стал я спорить. — Но этот дурак только что избавил тебя от восьмерых. Могла бы из вежливости хотя бы притвориться, что рада.

— Радоваться нечему, — отрезала она. — Я знала, куда меня везут и зачем; я всё рассчитала наперёд. А теперь считать заново — если вообще будет с чего. Спорить было нечего. С её точки зрения я и был дураком — благородным, самоуверенным дураком, который вломился в чужую, тонко выстроенную работу и развалил её одним ударом меча. То, что я при этом перебил восьмерых так, что она и глазом не успела моргнуть, она тоже заметила — я видел это по короткому, оценивающему взгляду, которым она прошла по мне и по телам. Но ставить мне это в заслугу она не собиралась. Я поймал себя на том, что разглядываю её — теперь, свободную, на ногах, злую, живую, — слишком пристально. И заставил себя смотреть в сторону.

— Ладно, — сказал я. — Допустим, я всё испортил. Что теперь?

— Теперь — ничего. — Она потёрла запястья, на которых верёвка оставила красные следы. — Без телеги и без сопровождения меня к ним уже не довезут. А если они недосчитаются своих — затаятся так, что... Она не договорила. Потому что в этот самый момент один из тех, кого я считал мёртвым, застонал и зашевелился. Тот восьмой — оглушённый, отлетевший к телеге, которого я в горячке списал со счетов. Он был жив. Он приходил в себя, мутно ворочаясь в траве, а

потом разом всё вспомнил — поднял голову, увидел вокруг себя мёртвый лагерь, увидел нас двоих, — и страх придавил ему сил. Он кое-как поднялся на четвереньки и, не вставая, по-собачьи, рванул прочь, к деревьям. Уйти он не успел. Я настиг его в три шага и придавил к земле прежде, чем он добрался до кустов. И вот тут мы с Кассией переглянулись.

Я увидел в её глазах ту же мысль, что вспыхнула в эту секунду и у меня. Мысль была простая и красивая. Один из них жив. Один из них знает дорогу. Один из них может въехать в эти ворота, не вызвав ни у кого подозрений, — потому что его там ждут. Способ попасть внутрь не умер вместе с остальными. Он бился сейчас подо мной, скулил и просил не убивать. Мы не сказали друг другу ни слова — нам и не нужно было. Минуту назад она колотила меня кулаками и честила дураком, а теперь мы смотрели на одного и того же скулящего человека и думали одно и то же, слаженно, будто сработались давнымдавно. Злость её никуда не делась — просто отступила, уступив место расчёту.

— Не убивай, — быстро сказала Кассия. В голосе её злости уже не было — был холодный, ясный расчёт. — Он нам нужен. Дальше она перестала на меня кричать и взялась за дело так, будто всю жизнь только этим и занималась. Странное было чувство. Весь последний год я привык быть тем, кто решает, считает и ведёт за собой — рядом с Дорном, в Грейфолле, на стене. А теперь я стоял и слушал, как эта женщина в два счёта перекраивает мой провал в новый план, и

понимал, что план хорош, и что возразить мне нечем, и что — вот странность — мне это даже не противно. Допрашивала разбойника она. Я держал — этого хватало: одного моего веса на его спине и моего ножа у его горла было довольно, чтобы он выкладывал всё, о чём она спрашивала, захлёбываясь словами. Логово близко, полдня пути. Старая каменоломня в глухой лощине; один заезд — через узкую расщелину, на завороте дозор, дальше лагерь в котловине: землянки, навесы, в глубине — дом самого Лысого. Чужого там замечают сразу. Зато телегу с добычей и своего возницу пропускают не глядя — их ждут. Лысый держит при себе ещё с дюжину; нашу телегу должны были пригнать к ночи, край — завтра поутру.

— Значит, так, — сказала Кассия, поднимаясь и отряхивая колени. Командовала она легко, привычно, и я поймал себя на том, что слушаю. — Он правит, как и правил. Телега едет, как ехала. Всё как всегда — кроме того, что в телеге теперь будем мы.

— Я — за одного из них, — кивнул я, уже понимая. — Ты — за добычу.

— Снова свяжешь мне руки, — сказала она без всякого удовольствия, но и без колебаний. — Так, чтобы со стороны держалось, а я могла высвободиться за один счёт. Справишься?

— Справлюсь. Я подошёл к ближайшему телу, к тому самому старшему, и стащил с него широкий тёмный плащ и

приметную меховую шапку. От них пахло потом, дымом и чужой смертью, и надевать это на себя было мерзко. Но в сумерках, издали, в их плаще и шапке я вполне сошёл бы за одного из тех, кого только что убил. Этого было достаточно. Кассия смотрела, как я переодеваюсь, и лицо у неё было непроницаемое.

— Как тебя зовут, герой? — спросила она с издёвкой.

— Адам. Она не назвалась в ответ. Только хмыкнула — коротко, без улыбки, — будто моё имя ничего для неё не значило и значить не собиралось. Что ж. Я и сам шёл сюда не за тем, чтобы заводить знакомства.

— Запомни одно, Адам, — сказала она, забираясь в телегу и устраиваясь среди награбленного добра, как недавно сидела связанной. — Это не общее дело. У меня там своё, у тебя — не знаю что, и знать не хочу. Просто так вышло, что нам ненадолго по пути. Доедем — и каждый пойдёт своей дорогой.

— По рукам, — сказал я. Условие меня устраивало: чем меньше я знал о её делах, тем меньше они меня касались. Я связал ей руки — не туго, как она и просила, — поднял с земли скулящего разбойника, усадил его править, а сам сел рядом, надвинув чужую шапку на глаза. В спину разбойнику, под плащом, упёрся мой нож; одно неверное слово на воротах — и оно станет последним, что он скажет. Он это понимал. Я оглянулся на Кассию. Она лежала среди тюков, со связанными — будто бы связанными — руками, прикрыв глаза,

спокойная, словно ничего и не было: ни плена, ни драки, ни мёртвого лагеря за спиной. Я ехал в логово, полное вооружённых убийц, доверившись слову перепуганного разбойника и расчёту женщины, которая не пожелала даже назвать мне своё имя. Более глупой затеи я, кажется, ещё не затевал. И всё равно тронул вожжи. Телега, в которой ещё прошлой ночью везли её, заскрипела и покатилась дальше по дороге — туда же, куда и ехала. Только теперь в ней сидели не те, кого ждали.

Глава 5. Логово

К логову мы подъехали на сером рассвете.

Всю ночь телега тащилась по разбитой дороге, потом свернула на едва заметную колею, что вела в глухую, заросшую ложину между двумя каменными грядами. Разбойник правил молча, ссутулившись, и глупостей не делал — мой нож под плащом всю дорогу упирался ему в спину, и он слишком хорошо помнил, что будет за одно неверное слово. Кассия лежала позади, среди тюков, со связанными — на вид крепко, на деле едва — руками, прикрыв глаза. Со стороны — добыча. Я в чужом плаще и низко надвинутой шапке сидел рядом с ним. Со стороны — один из тех, кого ждали. Ночь тянулась бесконечно. Я считал повороты, держал нож ровно и ждал. Кассия за всю дорогу не сказала ни слова — то ли спала, то ли, что вернее, лежала с закрытыми глазами и считала своё. Пленник молчал, но я слышал, как у него стучат зубы. Чем ближе мы подбирались к тому, что он звал домом, тем сильнее его трясло, — и в этой дрожи была своя опасность: испуганный человек непредсказуем. В предрассветной мути впереди показалась расщелина — узкий проход между скал, единственный заезд в ложину. Точь-в-точь как описал разбойник. У входа темнела фигура дозорного.

— Помни, — выдохнул я ему в затылок, едва шевеля губами. — Одно слово не то — и оно станет последним. Он

сглотнул и кивнул.

Дозорный шагнул навстречу, поднял руку. Молодой, за-
спаный, с самострелом на плече — не ждал он на рассвете
ничего, кроме своих.

— Долгонько вы, — буркнул он, разглядывая телегу. И
тут же, очнувшись, нахмурился, пересчитал нас глазами. —
Стой-ка. Вас же восьмеро уходило. Где остальные? Я чуть
сильнее вдавил нож ему в спину под плащом. Разбойник
сглотнул.

— Полегли, — выдавил он. — В деревне. Мужичьё ока-
залось не робкого десятка — схватились за вилы да топоры,
насмерть стояли. Шестерых там и положили. Насилу добро
увезли... вон, вдвоём только и доехали. Дозорный сплюнул
себе под ноги, без всякого сочувствия.

— Допрыгались, — проворчал он. — Лысый вам за лю-
дей голову снимет. Голос у разбойника дрожал всю дорогу,
но в сером сумраке, спросонья, дозорный этого не разобрал.
Скользнул взглядом по гружёной телеге, по тёмной груде на-
грабленного, по связанной фигуре среди тюков. На ней его
взгляд задержался на лишний миг — и у меня всё похолоде-
ло внутри, рука сама поползла к рукояти ножа. Одно невер-
ное движение Кассии, один звук — и пришлось бы убивать
прямо здесь, у входа, поднимая на ноги всё логово. Но дозор-
ный лишь ухмыльнулся чему-то своему и отвёл глаза. Потом
так же лениво глянул на меня, надвинувшего шапку, — и ни-
чего чужого не увидел. Своя телега, своя добыча, свои люди.

Всё как всегда. Сердце у меня билось медленно и ровно — я загнал его в тот холодный ритм, в каком встречал тварей в Пределе. Один удар — дозорный что-то заподозрит. Два — поднимет тревогу. Я уже знал, куда ударю первым, если сейчас всё полетит к чёрту.

— Проезжайте, — он махнул рукой и отступил в сторону. Мы въехали. Колёса прогрохотали через расщелину — и лощина раскрылась передо мной вся сразу. Старая каменоломня в котловине: отвесные стены, выбранные в камне уступы, чёрные провалы землянок, навесы, дотлевающие за ночь костры. Кое-где у огня сидели или спали люди. В глубине, под скалой, темнел сложенный из камня и брёвен дом — дом Лысого. Логово. То самое сердце, куда Кассия так хотела попасть и куда я, сам того не желая, её всё-таки привёз. Я насчитал у костров и под навесами с десятков фигур — спящих, дремлющих, ворочающихся под рассветным холодом. Сколько ещё пряталось в чёрных норах землянок, было не угадать. Место было обжитое, укрытое скалами со всех сторон; такое не возьмёшь наскоком и не найдёшь, если не знаешь дороги. Кассия не зря лезла сюда именно так — иначе сюда было не попасть. Мы были внутри. Дальше всё зависело от того, как близко я успею подобраться, прежде чем кто-нибудь поймёт, что телегу пригнали не те. Как выяснилось — недолго.

Наш пленник терпел ровно до тех пор, пока мы не оказались среди своих. В двух шагах от ближайшего костра, на ви-

ду у десятка спящих и полусонных людей, к которым он так стремился, страх в нём пересилил рассудок. Он понял простую вещь: пока он сидит на телеге рядом со мной, мой нож быстрее любого спасения. А вот если рвануть прямо сейчас, в гущу своих, — может, и пронесёт. Он рванул. Не вперёд — вбок, кубарем, через колесо, выкручиваясь из-под моего ножа. Я почувствовал, как лезвие чиркнуло по нему, но он уже катился по земле, уже орал во всю глотку, на всё логово: — Чужие!!! Засада!!! Кара-у-у-ул!!!

И логово проснулось. Со всех сторон разом — от костров, из-под навесов, из чёрных нор землянок — поднялся крик, лязг, топот. Спавшие вскакивали; те, кто бодрствовал, хватались за оружие и неслись на голос. Разбойник, выгадавший себе эти несколько мгновений, откатился в сторону и затерялся среди своих — добивать его было некогда и незачем.

Дальше думать было некогда. Я сорвал с себя чужой плащ и шапку, отшвырнул их прочь и выхватил меч Бруна. Позади коротко зашуршало — Кассия в один счёт сбросила с рук верёвку, перекатилась через борт телеги и выдернула из груди награбленного чей-то меч; видно, ещё днём приметила, где лежит оружие. Связанной добычи больше не было. Была она — стремительная, гибкая, с клинком в руке, — и по лицам ближайших разбойников, что бросились к нам, я увидел тот самый миг, когда они поняли: добыча, которую они везли, опаснее всех, кто её вёз. Времени удивляться этому у них не осталось. Их было много, и они были у себя дома, и они уже

хватали оружие со всех сторон. Но спросонья, вразнобой, не понимая ещё толком, сколько нас и откуда мы взялись, они кидались на нас по одному и по двое — а это было ровно то, что мне нужно. Я не давал им сбиться в стену. Цель. Шаг. Удар. Я был сильнее и быстрее любого из них, и каждый, кто оказывался на расстоянии клинка, падал прежде, чем успевал замахнуться второй раз. Кто-то с воем налетел на меня с тяжёлым тесаком, занеся его обеими руками над головой, — я поднырнул под удар, и разбойник по инерции врезался в своего же. Двое сцепились, мешая друг другу, и это стоило жизни обоим. Я шёл сквозь них, как сквозь высокую траву, и каждый шаг оставлял позади ещё одного на земле. Где-то на краю сознания я отметил, что снова не чувствую ничего — ни страха, ни горячки, только ту же ровную, холодную работу, что и на ночной поляне. Одна часть меня привычно складывала тела, другая отстранённо считала: сколько ещё, откуда, как долго. И — странное дело — рядом со мной дралась Кассия, и дралась так, что я невольно ловил это краем глаза. Она не лезла в лоб, не мерилась силой — она была вода и ртуть, она уходила, проскальзывала, била коротко и точно, в горло, под ребро, под колено, и тут же утекала дальше, не задерживаясь ни на миг. Серебряный ранг был не пустым словом. Мы не сговаривались, не делили поляну — но как-то само вышло, что я держал тех, кто покрепче и напролом, а она снимала тех, кто заходил с боков и со спины. Спина к спине, не сказав друг другу ни слова. Будто и впрямь срабо-

тались давным-давно.

Один зашёл мне за спину — я его не видел, был занят сразу двумя другими — и почти пропустил удар, когда сбоку коротко свистнул её клинок, и разбойник осел, не достав до меня. Обернуться я не успел. Просто понял, что она прикрыла мне спину — так же буднично, как мгновением раньше я, не глядя, отвёл чужой клинок от её плеча. Мы попрежнему не сказали друг другу ни слова. Оно выходило само.

Первый вал мы сломали быстро. Те, кто кинулся на нас сразу, спросонья и сгоряча, остались лежать на каменистой земле. На несколько ударов сердца в котловине стало почти тихо — только хрип, стоны да наше тяжёлое дыхание. Я успел перевести дух, оглядеться — и понял, что лёгкой эта ночь не будет. Потому что первый вал был только первым. Из дальних землянок, из-под навесов, от дома под скалой к нам уже бежали другие — те, кто успел проснуться, схватить оружие и сообразить, что происходит. Их было больше, чем легло. Намного больше. Это были уже не спросонья поднятые шакалы, а те, кто успел опомниться и понять, что к чему. Они шли молча, развернувшись цепью, и в их движении была угрюмая, тяжёлая уверенность людей, которые знают: бежать чужакам некуда, а значит, можно не торопиться. Они растекались по котловине, охватывая нас полукругом, отрезая от расщелины, от телеги, от всякого пути назад. Счёт выходил скверный. На этот раз они не лезли поодиночке — шли разом, кольцом, и продраться сквозь такое кольцо жи-

вым означало уже не пару минут чистой работы, а долгую, грязную драку на самом краю. Но другого выхода не было. Только сквозь них. Кассия встала рядом, плечом к плечу, тяжело дыша, с окровавленным клинком в руке. Бросила на меня короткий взгляд — первый за всё это время не злой, а просто живой, человеческий, общий на двоих взгляд людей, попавших в одну беду.

— Ну что, герой, — выдохнула она. — Доволен, что увязался? Я мог бы сказать, что нет, не доволен; что это худшая затея в моей жизни и что место это я выбрал бы для собственной смерти в последнюю очередь. Но почему-то, стоя плечом к плечу с ней против всего этого логова, я поймал себя на странном, совсем неуместном спокойствии. Отвечать я не стал. Перехватил меч поудобнее и шагнул вперёд — навстречу смыкающемуся полукругу.

— Поговорим потом, — сказал я. — Если будет «потом».

Глава 6. Плата

Вторую волну мы тоже сломали — но дорого. Они шли уже не сгоряча, а зло и расчётливо, и держались вместе, и мне пришлось драться всерьёз, как давно не приходилось. Их было больше, чем нас, намного больше, — но в тесноте котловины они мешали друг другу, а мы друг другу не мешали. Я держал тех, кто пёр в лоб, и ломал их напор; Кассия закрывала бока и спину, била из-под руки, коротко и насмерть. Один раз тяжёлый топор уже шёл мне в висок сбоку

— я бы не успел, — но её клинок встретил руку с топором раньше, чем тот опустил. Поблагодарить я не успел. Да и незачем: она уже знала. Кассия рядом дышала тяжело, на левом плече у неё темнела кровь, но клинок в её руке не дрогнул ни разу. Мы кружили спина к спине посреди котловины, и круг мёртвых вокруг нас всё ширился, пока не разомкнулся совсем. К концу и я был не цел: чужой клинок достал меня вскользь по рёбрам, рукав набух кровью, дыхание рвалось. Восемь на ночной поляне дались мне даром; эти — нет. Логово стоило крови. А потом вдруг стало тихо. Последний из тех, кто бросился на нас, осел на камни. Я опустил меч, переводя дыхание, и огляделся. Логово лежало в утренней серой мгле, разбитое и пустое; те, кто уцелел, либо лежали, либо успели сбежать в скалы. Мы стояли вдвоём посреди побоища, живые. Победили. Так мне на миг показалось.

Дверь дома под скалой скрипнула и отворилась. Из неё, грузно, не торопясь, вышел человек — лысый, коренастый, с тяжёлым, заросшим щетиной лицом. Я узнал его сразу, хоть и видел впервые: так выходит только хозяин. Лысый. Главарь. Он был большой и спокойный, и эта ленивая, тяжёлая уверенность пугала сильнее любого крика. Человек, который годами держал в страхе эти дороги и ни разу не платил по счетам, — и был уверен, что снова выйдет сухим. Он был не один. Перед собой он держал ребёнка — маленькую девочку, лет семи, худенькую, в грязной рубашонке, — держал за плечо одной рукой, а другой прижимал к её тонкой шее широкий нож. Девочка не кричала. Она словно окаменела от ужаса, и только глаза её, огромные на бледном личике, смотрели прямо на нас.

— Тихо, тихо, — пророкотал Лысый, останавливаясь. Голос у него был спокойный, почти ласковый, и от этого спокойствия становилось страшнее. — Резвые какие. Весь дом мне положили. — Он чуть надавил ножом, и девочка пискнула. — А ну, бросайте железо. Оба. Иначе я этой пичуге горло вскрою прямо тут, при вас. Считаю до одного. Я смотрел на нож у детского горла — и весь холодный расчёт, что вёл меня через бой, рассыпался. Где-то далеко, в другой жизни, у меня был сын. Был дом, к которому я шёл через целый мир. И эта чужая, насмерть перепуганная девчонка в грязной рубашке вдруг встала поперёк всего, что я о себе знал. Я не мог рискнуть ею. Просто не мог. Я успел прикинуть —

расстояние, угол, его руку с ножом, всё то, что привык прикидывать на лету. И всё сходилось к одному: пока он держит лезвие у самого горла и не сводит с нас глаз, я бессилен. Ни рвануться к нему, ни метнуть что-нибудь

— он успеет полоснуть прежде, чем я достану. Мне нужно было одно: чтобы он хоть на миг отвёл взгляд. Я разжал пальцы. Меч Бруна звякнул о камень. Краем глаза я увидел, как Кассия, помедлив всего мгновение, делает то же самое. Её клинок упал рядом с моим.

Лысый ухмыльнулся — широко, довольно, во весь щербатый рот.

— Вот так-то лучше, — протянул он. — А теперь... Он не договорил, что — теперь. Он был уверен, что выиграл. Двое чужаков, оба безоружные, стоят перед ним смиренно, а у него в руках их слабость, их совесть, их единственная заминка. Он расслабился. Самую малость — но расслабился. Нож у горла девочки чуть отошёл, рука дрогнула, внимание поплыло. И тут заговорила Кассия.

— Отпусти девчонку, — сказала она ровно и громко, шагнув в сторону, чтобы он невольно повернул к ней голову. — Твои люди мертвы, ты один, а нас двое. Но мы пришли не за твоей головой. Отпусти её — и уходи. Со всей казной, на все четыре стороны, живым. Девчонка нам нужнее твоего серебра. Спокойно, по-деловому, будто она и впрямь готова была отпустить его со всем добром. Я знал, что это уловка, — но Лысый не знал. На долю секунды он повёл глазами на

неё, потом на дом за спиной, где лежала казна, — отвлёкся, прикидывая, не выгоднее ли и впрямь уйти живым и богатым. Этой доли секунды мне хватило. Нож Дорна — старый, простой нож для свежевания, последнее, что осталось мне от старика, — всё это время висел у меня на поясе под плащом; бросая меч, я о нём не забыл. Я выхватил его и метнул одним движением, ещё до того, как Лысый снова повернул ко мне голову. Год назад я не сумел бы и наполовину; теперь рука сделала это сама, без меня. Нож пролетел разделявшие нас шаги и вошёл Лысому точно в лоб. Он умер раньше, чем понял, что произошло, — раньше, чем рука с ножом успела дрогнуть. Тяжёлое тело качнулось и стало заваливаться назад, а девочка, отпущенная, споткнувшись, полетела прочь — прямо ко мне. Живая. Я подхватил её, не дав упасть на камни. Она вцепилась в меня обеими руками и наконец-то, беззвучно до этого, заплакала — мелко, судорожно, как плачут совсем измученные дети.

— Всё, — сказал я ей тихо, неловко держа это маленькое дрожащее тельце. — Всё. Кончилось. Она была лёгкая, как птенец, и пахло от неё дымом и страхом. Я держал её и думал о Лео — о том, как он сейчас далеко, и о том, что где-то, может быть, и его некому вот так подхватить. Я отогнал эту мысль. Не время и не место.

Лысый оказался последним. Я обошёл котловину, не выпуская руки девочки. Повсюду — среди землянок, у потухших костров — лежали те, кто ещё на рассвете был грозой

этих дорог. Кто-то, должно быть, успел уйти в скалы, но возвращаться им было уже не к кому: стаи больше не было. Проходя мимо тела Лысого, я выдернул из его лба нож Дорна, обтёр о чужую одежду и вернул на пояс. Старый нож для свеживания только что спас ребёнку жизнь — лучшего применения старик бы для него и не желал. Логово лежало мёртвое и пустое. Кассия молча подняла с земли оба наших клинка, протянула мне мой, обвела взглядом котловину — и пошла к дому под скалой, туда, где у таких, как Лысый, всегда есть то, ради чего стоит жить и убивать. Казну мы нашли там же, в окованном сундуке под лежанкой главаря: серебро, медь, горсть золота, чьи-то кольца и цепочки — всё, что эта стая снимала с убитых и ограбленных не один год. По здешним меркам — целое состояние. Кассия опустилась на колени перед сундуком, быстро, по-деловому перебрала содержимое — и начала ссыпать всё в свою дорожную сумку. Всё, до последней монеты. Я смотрел и молчал.

— А ничего, что я тоже здесь дрался? — спросил я наконец. Она не подняла головы.

— Дрался, — согласилась она. — Никто не просил. — Затянула сумку, поднялась, закинула на плечо и кивнула на девочку, что жалась ко мне, не отпуская рукав. — Это была моя работа, герой. Гильдейский заказ. Её отец — лорд, человек с именем и золотом; эти взяли её в дороге и держали ради выкупа. Отец дал заказ в Гильдию — я его взяла. За ней я сюда и шла. Всё разом встало на места. Связанный искатель

серебряного ранга в телеге разбойников. Её холодная ярость, когда я перебил сопровождение. То, как уверенно она вела сюда. Она пришла за этим ребёнком — с самого начала.

— Неделю готовила, — продолжала она. — Тихо, чисто, без единого трупа: меня бы довезли, я бы вывела её ночью, и никто бы даже не хватился. А потом явился ты — и устроил вот это. — Она повела рукой по котловине, по телам. — Из-за тебя её едва не зарезали у меня на глазах. Так что серебро я забираю. Плата за то, что ты влез в чужую работу и чуть всё не угробил. Я мог бы поспорить. Деньги в дороге лишними не бывают, а путь мне предстоял долгий. Но у меня в кошеле лежала хозяйская искра, которую стоило продать в большом городе дороже всего этого сундука, — а связываться с ней из-за горсти чужого серебра не хотелось. К тому же она была по-своему права. Я действительно влез.

— Забирай, — сказал я. — Мне чужого не нужно. Что-то мелькнуло у неё в лице — то ли удивление, то ли насмешка. Похоже, она ждала торга, а не этого.

— Станный ты, герой, — сказала она наконец. — Дерёшься как зверь, девочку изпод ножа вынимаешь — а на серебро смотришь, будто это сор.

— У меня свои дела, — сказал я. — Деньги в них не главное. Она хмыкнула, но смотрела теперь чуть иначе — без прежней колючей насмешки. Будто что-то в этой картинке у неё не сходилось, и впервые ей стало любопытно, а не всё равно.

Так вот кто она была — не безродная сирота, а дочь человека, у которого хватило золота и веса, чтобы поднять на её поиски целую Гильдию. Что она пережила в руках этой стаи, девочка не говорила, а я не спрашивал. Ясно было одно: её ждали дома, и довести её предстояло живой и невредимой — к отцу.

Так и вышло, что пошли мы втроём: я, молчаливая женщина с чужим серебром на плече и насмерть напуганная девочка, не отпускавшая мой рукав. Странная компания для дороги. Ещё сутки назад я шёл один и думал только о доме; теперь за мной увязалась чужая беда, чужая тайна и чужой ребёнок. Дорн, наверное, посмеялся бы. Когда мы выбрались из котловины наверх, в холодное, ясное утро, и зашагали прочь от мёртвого логова, Кассия впервые за всё время заговорила со мной сама — не зло, не насмешливо, а просто, устало.

— Тебе куда теперь, герой?

— В Корвенгард, — сказал я. Она остановилась. Посмотрела на меня — долго, по-новому, будто увидела впервые. Под этим внимательным взглядом мне отчего-то стало не по себе — совсем не так, как бывает не по себе от ножа у горла.

— В Корвенгард, — повторила она.

— Туда, — кивнул я. — А что? Она негромко, невесело усмехнулась и снова зашагала вперёд, мимо меня, прижимая к боку тяжёлую от чужого серебра сумку.

— Похоже, герой, — бросила она через плечо, — как я ни

старалась, а отделаться от тебя у меня пока не выходит.

Глава 7. Корвенгард

К большому городу мы шли ещё несколько дней. Дорога становилась всё оживлённее — это я замечал по мелочам. Колеи на ней были глубже и ровнее, накатанные тысячами телег. Чаше попадались встречные: купеческие обозы под охраной, крестьянские повозки с зерном, одинокие всадники, что спешили мимо, не глядя на нас. Появились придорожные столбы с вырезанными цифрами, постоянные дворы, распаханное поле за изгородями. После Предела и фронтира, где человек был редкостью, а закон кончался сразу за посёлком, всё это казалось мне почти роскошью. Мир тут был обжитой, плотный, считанный. Кассия за эти дни не стала ни словоохотливее, ни мягче. Я пробовал её разговорить — не из любопытства даже, а по делу: я шёл в чужой огромный город, ничего о нём не зная, и человек, который там бывал, был бы кстати.

— Расскажи про Гильдию, — попросил я как-то. — Как там с разрядами, к кому идти.

— Придёшь — увидишь, — отозвалась она, не сбавляя шага. Так было почти всегда. Она отвечала скупой, односложно, будто каждое слово, отданное мне, было монетой из её кошелька. Не злобно — просто закрыто. Свою броню она снимать не собиралась, и я перестал ломиться. Лишь однажды она сказала больше. Когда речь зашла о городских порядках,

она вдруг остановилась и посмотрела на меня в упор.

— Один совет даром, — сказала она. — В большом городе не выспрашивают у встречающих-поперечных. Особенно про опасное. Тут у стен есть уши, а у иных вопросов — короткий конец. Захочешь что-то узнать — узнавай только через тех, кому доверяешь. А чужим здесь не доверяй никому. Я молча кивнул. Совет был лишним: бродить по Корвенгарду и расспрашивать первого встречного, где найти тех, кто убил Дорна, я и не думал. О таком вслух не спрашивают.

Зато Элли говорила за двоих. Так звали девочку — Элли, полным именем Элиана. За эти дни она оттаяла. Тот на смерть перепуганный комок, что цеплялся за мой рукав в логове, остался позади; теперь рядом со мной шагала любопытная, болтливая семилетка, которая, отойдя от ужаса, вспомнила, что мир велик и интересен. Ко мне она прилепилась намертво — я был тем, кто её спас, и в её глазах это решало всё. И она рассказывала. Обо всём на свете, без умолку, тем серьёзным, доверительным тоном, каким маленькие дети сообщают тебе самые важные вещи на свете.

— А мой папа — маркиз, — объявила она в первый же день, гордо вскинув подбородок.

— Настоящий. У нас большой дом в городе, с башенками, и ещё земли за рекой. Папа очень важный. Он даже короля видел! И я видела! Один раз, на празднике. Король был весь в золоте и в красном плаще, и у него корона — вот такая. — Она развела ручонки, показывая корону размером с те-

лежное колесо, и сама засмеялась. Я невольно улыбнулся. От неё, от этой простой детской болтовни, я за пару дней узнал о городе больше, чем за всю дорогу от Кассии. Что Корвенгард огромный — «больше, чем можно обойти за целый день». Что посреди него на холме стоит замок короля, а вокруг — дома господ, храмы, мосты через реку, рынки, где «продают всёвсё, даже сладости в виде зверушек». Что у её папы есть стража и слуги, и что её, наверное, уже обыскали, и мама плачет. При последних словах голос у неё всё-таки дрогнул, и я положил руку ей на плечо.

— Скоро будешь дома, — сказал я. И сам, услышав собственные слова, на миг споткнулся: я говорил их себе каждый день, своему сыну, за целым миром отсюда. — Совсем скоро. Мы тебя доведём. Кассия, шедшая впереди, ничего не сказала. Но я заметил, что шаг её на мгновение сбился — будто и до неё долетело что-то, чего она не хотела слышать. В другой раз Элли вдруг спросила, есть ли у меня дома дети.

— Есть, — сказал я. — Сын. Совсем маленький.

— А где он? — Она заглянула мне в лицо.

— Далеко. Очень далеко.

— Дальше Корвенгарда?

— Гораздо дальше. Она задумалась, переваривая это, — кажется, дальше Корвенгарда для неё уже ничего и не было, — а потом серьёзно, убеждённо сказала:

— Ты тоже скоро будешь дома. Как я. Я не нашёлся, что ответить.

Город мы увидели на четвёртый день, ближе к полудню, когда дорога взбежала на длинный пологий холм. Я остановился. Не смог не остановиться. Корвенгард лежал в широкой речной долине и был так велик, что у меня в первый миг сжалось что-то в груди. После выжженного Предела, после бревенчатого Грейфолла, который весь умещался в одном взгляде, — это было как удар. Город не помещался в глаза. Серые стены, высокие, как утёсы, опоясывали его кольцом и уходили вдаль, теряясь в дымке. Над стенами вставал лес крыш — черепица всех оттенков, от ржавого до синего, — и из этого леса там и сям поднимались башни: тонкие, острые, с флюгерами и флагами. Над всем, на холме в самой середине, светлой громадой парил замок — тот самый, королевский, с башнями, которые Элли показывала мне ручонками. Реку, разрезавшую город надвое, перечёркивали мосты — настоящие, каменные, с домами и лавками прямо на них. От города в небо тянулись тысячи дымков — печи, кузны, очаги, — и всё это смутно гудело даже отсюда, с холма, тяжёлым, слитным гулом огромного людского улья.

Я повидал на Земле города и побольше — стеклянные, в миллионы огней. Но те я видел обычным человеком, одним из многих. А на каменный Корвенгард я смотрел уже глазами того, кто целый год прожил там, где десяток дворов считался посёлком, а сотня людей — толпой. И от одной мысли, сколько живых судеб гудит сейчас за этими стенами, у меня слегка кружилась голова.

— Дом, — выдохнула Элли счастливо и потянула меня за рукав. — Видишь? Я же говорила. Самый большой.

— Вижу, — сказал я. Я смотрел на эту каменную громаду и думал о том, что где-то там, в этом муравейнике, лежат мои ответы. Настоящий разряд. Цена за хозяйскую искру. Контакт Рейнара. И Орден — вплетённый в этот город так глубоко, что Кассия даже вслух о нём говорить не велела. Я пришёл, куда шёл. Оставалось войти.

Войти оказалось не так просто, как в Грейфолл, куда любой проходил, когда вздумается. У главных ворот стоял блокпост: окованные створки в полтора человеческих роста, стража в одинаковых кольчугах с городским гербом, и — очередь. Телеги, путники, погонщики со скотом тянулись к воротам и по одному проходили мимо стражи и писаря за высокой конторкой. Чужаков не пускали просто так. Здесь был закон, и закон вёл счёт. Кассию пропустили почти без задержки. Она показала писарю какой-то знак — серебряный, гильдейский, — назвала пару слов, кивнула на Элли, и в лицах стражи что-то переменялось: на ребёнка маркиза посмотрели уже иначе, с пониманием. Её работа подходила к концу. А вот мной занялись всерьёз.

— Имя, — не поднимая головы, бросил писарь, обмакивая перо.

— Адам.

— Откуда, по какому делу?

— С фронта. Из Грейфолла. Искатель. Иду в Гильдию.

Писарь наконец поднял на меня глаза — без злобы, но цепко, оценивающе, как смотрят на всякого, кто пришёл изда- лека и неизвестно с чем. Я выложил на конторку свой брон- зовый гильдейский знак. Он повертел его, сверил с чем-то в толстой книге, хмыкнул — бронза с фронта была здесь, похоже, невеликой птицей, — и записал меня длинной стро- кой, которую я не разглядел.

— Пошлину, — сказал он. Я заплатил. Несколько монет за право войти в город — мелочь, но сам по себе обычай был мне в новинку. На фронтире никто не брал денег за то, чтобы ты куда-то вошёл; там брали за то, чтобы выйти живым.

— Оружие в городе носить можно, пускать в ход — нет, — отчеканил писарь заученно.

— Набедокуришь — отвечать будешь по городскому за- кону, а он покруче фронтирного. Проходи. И я прошёл под высокой аркой ворот — из открытого мира в каменное нут- ро Корвенгарда.

Внутри город обрушился на меня весь сразу. Шум, тесно- та, запахи — хлеба, дыма, нечистот, специй, конского пота, — всё разом, плотной волной. Улицы кишели людьми: раз- носчики, носильщики, мастеровые, торговцы, нищие, стра- жа, дети. Изредка толпа расступалась, пропуская карету или богато одетого всадника с верховой охраной, — господа пешком, в общей толчее, здесь не ходили. Лавки лепились одна к другой, зазывалы орали, где-то били молоты, где-то пел колокол. После звенящей пустоты Предела этот живой

грохот оглушал. Кассия остановилась на маленькой площади сразу за воротами, поправила на плече тяжёлую сумку и впервые за весь день посмотрела прямо на меня.

— Дальше мне в другую сторону, — сказала она. — Девчонку я доведу сама — есть кому её передать. — Она помолчала, будто решая, стоит ли говорить дальше. — Тебе

— туда. — Она кивнула вдоль широкой улицы, что поднималась к центру. — Большая Гильдия искателей, на Колоколном холме. Не заблудишься, её видно отовсюду. Спросишь — всякий покажет. Элли вдруг отпустила мой рукав, обхватила меня обеими руками за пояс и крепко, изо всех своих детских сил, прижалась.

— Спасибо, — сказала она в мой плащ. — Ты хороший. Я присел, неловко, как тогда, в логове, и заглянул в её серьёзное личико.

— Беги домой, Элли. К папе и маме. И больше не попадайся плохим людям. Она серьёзно кивнула, будто давала клятву, и вернулась к Кассии. Та подхватила её за руку — почти бережно, что для неё было почти нежностью, — и, не оглядываясь, повела прочь, в боковую улицу. Я смотрел им вслед, пока пёстрая толпа не сомкнулась за ними. Странно. Несколько дней назад я хотел только одного — чтобы эта женщина наконец отстала. А теперь, глядя, как она уходит, я поймал в себе глупый, неуместный укол — будто что-то осталось недосказанным. Я отогнал и эту мысль тоже. У меня были дела. Я повернулся к широкой улице, что вела вверх, к

холму, над которым, как и сказала Кассия, виднелась она — огромная, увенчанная колоколом крыша Гильдии искателей. И пошёл туда, в гущу чужого города, навстречу всему, ради чего проделал этот путь.

Глава 8. Столичная гильдия

Гильдию я увидел издалека — Кассия не соврала, её и впрямь было видно отовсюду. Она стояла на вершине Колоколного холма и подавляла всё вокруг. После грейфолльской Гильдии — бревенчатой избы в три окна, где Кесс вёл дела за обшарпанной стойкой, — это казалось мне почти насмешкой. Огромное здание серого камня, в три этажа, с широкой лестницей, с колоннами по фасаду и башней над крышей, увенчанной тем самым колоколом. Над входом висел герб — меч и раскрытый глаз. Туда и оттуда нескончаемо текли люди. Я поднялся по ступеням и вошёл. Внутри был не зал, а целый мир. Высоченный сводчатый потолок терялся в полумраке; свет падал сверху, сквозь узкие окна, длинными пыльными столбами. Под ними гудела толпа — десятки, сотни искателей всех мастей. Я никогда не видел столько разом. Бронзовые наёмники в потёртой коже; серебряные в добротных доспехах, державшиеся особняком и свысока; редкие, окружённые свитой фигуры, на которых я старался не смотреть в упор. Были тут и совсем зелёные мальчишки, явившиеся записываться, и седые ветераны с пустыми рукавами. Звучала разноголосица — наречия, которых я не знал. Вдоль стен тянулись доски с приколотыми контрактами; перед ними толпились, спорили, рвали листки. В одном крыле меняли искры на монету — там стояла отдельная очередь, и я ви-

дел, как оценщик за конторкой вертит в пальцах чей-то тусклый камешек и брезгливо называет цену. В другом — выдавали и подтверждали разряды. Всё это работало, как огромная отлаженная машина, перемалывающая чужие судьбы на медь и серебро. В Грейфолле я был силой, которую знали в лицо. Здесь я был никем — ещё одним бронзовым с фронтира, каких тут проходили сотнями.

Я подошёл к длинной стойке у входа. За ней в ряд работали девушки — молодые, все как одна красивые, в одинаковых форменных платьях с гербом Гильдии на груди. После грейфольской конторы это смотрелось почти как в богатом торговом доме: здесь Гильдию держали не притоном искателей, а настоящим заведением. Я выбрал свободную и выложил перед ней письмо Кесса.

— Мне нужен магистр Гарвен, — сказал я. — От магистра Кесса из Грейфолла. Он ждёт. Администратор — так, наверное, назвали бы её у меня дома — скользнула по мне профессионально-вежливым взглядом, ещё одним за день, но, увидев печать на письме, чуть подобралась. Имя Кесса, видно, что-то здесь да значило. Она попросила меня подождать и отправила мальчишку-посыльного куда-то вглубь здания. Ждал я недолго. Гарвен оказался сухощавым человеком лет пятидесяти, в строгом тёмном костюме без единого лишнего украшения. Не воин — это я понял сразу, по тому, как он держался: вся его сила была не в руках. Цепкие глаза, мягкая, ничего не выражающая улыбка, движения скупые и точ-

ные. Он был из той же породы, что и Кесс, только Кесс рядом с ним показался бы базарным менялой. Он бегло прочёл письмо, сложил его, спрятал — и посмотрел на меня уже иначе. С интересом.

— Так вот вы какой, — проговорил он негромко. — Кесс пишет о вас сдержанно. Кесс вообще сдержанный человек. Но даже сквозь его сдержанность видно, что он отправил мне кого-то... любопытного. — Он повёл рукой, приглашая. — Здесь слишком людно для любопытных разговоров. Поднимемся ко мне.

Кабинет его был наверху — тихая комната с одним окном, выходящим на крыши города, с тяжёлой дверью, которую он за нами притворил. Сразу стало слышно, как глухо гудит Гильдия внизу — далёкий, безопасный шум.

— Итак, — сказал Гарвен, опускаясь в кресло и складывая пальцы домиком. — Чем же грейфолльский искатель так заинтересовал старого Кесса, что тот пишет мне письма? Я рассказал. Не всё — но достаточно. Я рассказал про Грейфолл. Про то, как из Предела на фронтирный городок пошла орда — не сама пошла, а её пригнали, — как мы держали стену осадными машинами, как из орды поднялось то, чего не брало ни железо, ни огонь. Про то, сколько народу полегло. Гарвен слушал молча, не перебивая, и лицо его оставалось вежливонепроницаемым, но я видел: он не пропускает ни слова. Человек, который всю жизнь покупает и продаёт, умеет слушать. А потом я выложил на стол искру. Я достал её

из кошельа и положил перед ним — и в тихом кабинете будто стало светлее. Хозяйская искра. Я взял её в глубине, с того, кого здесь зовут Хозяином, и тащил через полмира, чтобы продать. Она лежала на тёмном дереве стола, тяжёлая, налитая внутренним светом, и даже я, державший её не раз, каждый раз заново чувствовал её мощь. Гарвен замолчал. Вежливая улыбка сошла с его лица. Он подался вперёд, не касаясь искры, долго смотрел на неё, потом достал из ящика какой-то гранёный окуляр, вставил в глаз и склонился ниже. В кабинете стало очень тихо.

— За тридцать лет в этом кресле, — сказал он наконец, очень ровно, — я держал в руках три такие. Эта — четвёртая.

Он откинулся назад, снял окуляр и посмотрел на меня так, будто заново меня оценивал — и заодно прикидывал, насколько я понимаю, чем владею.

— Я мог бы назвать вам цену вполровину меньше настоящей, — сказал он прямо. — С чужаком с фронта так бы и сделали в любой из здешних лавок, и вы бы ушли счастливым, не зная, что вас обобрали. Но вы — человек Кесса, а с людьми Кесса я веду дела честно. Это выгоднее в долгую. Он назвал цену.

— Семь золотых. Я молчал, и он, видно, принял моё молчание за непонимание, потому что добавил, спокойно и почти буднично:

— Чтобы вы понимали. Здешний искатель за всю жизнь,

бывает, не держит в руках ни одного золотого. Семья на один золотой живёт год с лишним. На семь — можно купить дом с землёй в хорошем квартале, открыть дело и до конца дней не знать нужды. Это не плата за камень. Это целое состояние. Я понимал. Я понимал даже лучше, чем он думал, — потому что мне эти семь золотых были не состоянием, а всего лишь дорогой. Ступенькой на пути домой. Деньги меня никогда не держали; они были инструментом, и вот теперь у меня появился очень хороший инструмент.

— Согласен, — сказал я.

Он кивнул, будто иного и не ждал. Носить такую сумму на себе, объяснил он, в Корвенгарде глупо и опасно: часть он выдаст монетой, остальное оставит за мной распиской Гильдии, которую можно обратить в деньги в любое время. Я не спорил. Гарвен убрал искру в стол — бережно, как берут спящего ребёнка, — и впервые за разговор по-настоящему, не одними губами, улыбнулся.

— А теперь, — сказал я, — у меня к вам ещё один вопрос. И, кажется, поопаснее искры. Улыбка его не дрогнула, но что-то в глазах насторожилось.

— Спрашивайте.

— Ту орду на Грейфолл пригнали, — сказал я, понизив голос. — Я видел на тварях знак. Кольцо, перечёркнутое чертой. И на тех, кто за этим стоял, — тот же знак. Я хочу знать, кто они. Надолго стало тихо. Гарвен смотрел на меня, и под вежливой маской я видел, как он быстро, холодно взвешивает.

вает — сказать, не сказать, и чего ему будет стоять и то, и другое.

— Вы только пришли в город, — наконец произнёс он очень тихо, — а уже задаёте вопросы, за которые здесь иные не доживают до вечера. Совет вам, бесплатно: этот знак вслух не произносите. И того, что за ним стоит, тоже.

— Я не из пугливых.

— Тем хуже для вас. — Он помолчал. — Хорошо. Я скажу то небольшое, что знаю, — и только потому, что вы человек Кесса. Но знаю я, по правде, почти ничего, и в этом всё дело. Их как будто и нет. Ни имени, ни лица, ни дома. Шепчут разное: что они старше Гильдии и короны; что они стоят за иными исчезновениями; что у них рука и в подземельях, и наверху, повыше, чем хочется думать. Но всё это — дым. Кто подходил ближе, тот замолкал. Навсегда.

— Должно же быть хоть что-то твёрдое, — сказал я. — За что зацепиться. Гарвен долго молчал. Потом, понизив голос ещё, сказал:

— Есть одно. Не доказательство — так, тень. В городе уже не первый год кто-то скупает искры. Берёт, в общем-то, всякие — но по-настоящему охотится за особыми: за искрами с боссов, с хозяев ярусов. И чем глубже взят босс, тем щедрее платит: втрое, впятеро против цены, не торгуясь, лица не кажет, всё через подставных. Думают — богатый чудака, собиратель редкостей. Может, и так. А может, и нет. — Он посмотрел мне прямо в глаза. — Я не первый год гадаю, кому и

зачем нужно столько искр с боссов. И мне не нравится ответ, который выходит. Я ощутил, как внутри что-то подобралось и встало по стойке. Вот оно. Тонкая, но настоящая нить.

— И вот что, — добавил Гарвен, и впервые в его голосе мелькнуло что-то похожее на сочувствие. — Раз уж вы спросили. Ваша искра — с босса, с хозяина, и силы, какой я за тридцать лет видел всего трижды. Это ровно то, за чем он охотится, — только такой мощи ему, готов поспорить, ещё не приносили. О ней уже к вечеру узнают нужные люди: уши есть и у меня, и не только у меня. Так что искать тех, о ком вы спрашиваете, вам, может, и не придётся. Очень возможно, они сами вас найдут. Я молчал, переваривая услышанное. Потом спросил прямо:

— А если я захочу найти его сам? И где вообще берут такие искры? Гарвен усмехнулся — то ли моей прыти, то ли своим мыслям.

— Оба ваших вопроса ведут в одно место, — сказал он. — Вниз. Вы ведь ещё не знаете, на чём стоит этот город. — Он кивнул на окно, за которым гудел Корвенгард. — Под нами Колодец. Самый старый и самый глубокий провал из всех, что известны. Он не растекается вширь, как ваши фронтирные дыры, — он уходит вниз, ярус за ярусом, и дна его не видел никто. За сотни лет искатели расчистили и нанесли на карты тридцать четыре яруса. Тридцать четыре — и всё равно спускаются, и гибнут, и спускаются снова. Колодец древнее самого Корвенгарда. Из-за него тут и поставили столицу:

даровой, нескончаемый источник искр и силы. Город вырос вокруг него, как мясо вокруг кости.

— И как по нему спускаются? — спросил я. — Тридцать четыре яруса — это что же, каждый раз пешком сверху?

— В том и хитрость, — сказал Гарвен. — Колодец живой, у него свои законы, и в городе их знает любой мальчишка. Каждый ярус — целый мир, огромный, по нему можно плутать неделями. Но вниз, на следующий ярус, ход всегда заперт, и отпирает его одно: смерть хозяина яруса, главной его твари. Одолеет босса — открылся спуск, и карточка отметит тебе новый ярус. Не одолел — сиди где сидишь хоть до старости.

— Карточка? — переспросил я.

— Гильдейская, есть у каждого искателя. В ней Колодец сам помечает, до какого яруса человек добрался своими ногами. И вот что удобно: всякий раз тащиться сверху не нужно — приложи карточку к монументу, что стоит сразу за входом, и Колодец сам перенесёт тебя на твой ярус, будто ты и не уходил. Но глубже отметки — ни шагу: сам Колодец не пустит. Новичок вроде вас начинает с первого. Хотите вниз, на глубину, — либо пройдите все ярусы сами, один за другим, босса за боссом, либо спускайтесь с тем, у кого пропуск уже глубже вашего: он проведёт вас за собой. Я слушал — и чувствовал, как во мне что-то оживает. Вот это было мне понятно. Вот это было по мне. Не плести интриги в чужом городе, а спускаться вниз, ярус за ярусом, брать своё силой

и собирать искру за искрой — с тварей, с боссов, — пока не доберусь до той глубины, где меня будут ждать и нужные искры, и ответы. Он помолчал.

— А теперь главное. Раз уж вас тянет вниз — там же водится и то, что нужно скупщику. Я ведь сказал: каждый ярус заперт своим хозяином. Так вот, искра с такого хозяина — и есть его лакомство. Чем глубже взят босс, тем сильнее и реже его искра, тем дороже она нашему собирателю. Хотите такую — бейте боссов, ярус за ярусом, и чем ниже спуститесь, тем лучше. А хотите выйти на самого скупщика — принесите такую искру на торги в Нижнем городе, к посреднику по прозвищу Сорока: его человек подойдёт к вам сам, можете не сомневаться. Или, — он чуть склонил голову, — шепните мне. Избавлю вас от части хлопот. Мы ведь теперь, как-никак, повязаны одной искрой.

Перед самым уходом Гарвен спустился со мной к стойке. Кивнул одной из девушек, обронил пару слов — и мне выдали гильдейскую карточку: тонкую пластину тёмного металла с прорезанным по ней моим именем и пустым полем, где Колодцу предстояло отмечать, докуда я дошёл. Пока там было пусто. Чистый лист — искатель без единого яруса за спиной.

— С этого начинают здесь все, — сказал Гарвен. — Даже самые сильные. Колодец ни чинов, ни подвигов не разбирает: для него вы пока никто, с самого верха. А дальше — как сумеете. Из Гильдии я вышел уже под вечер — на семь золотых богаче, с распиской и новенькой карточкой за пазухой, и

с холодком где-то под рёбрами. Семь золотых. Тонкая нить к Ордену — и я уже знал, за какие концы её тянуть: вниз, в Колодец, за искрой с босса, а через неё — к скупщику, к Сороке. И вдобавок обещание, что Орден и сам потянется ко мне на запах этой нити, так что, может, и искать никого не придётся. За один день город дал мне больше, чем я смел просить,

— и сразу взял за это цену, которую я ещё не до конца понимал. Я спустился по широкой лестнице, размышляя, куда податься теперь — искать ночлег, искать Рейнара по серебряному знаку, — и не сразу заметил, что меня ждут. У подножия лестницы стояла карета — чёрная, лакированная, дорогая, с гербом на дверце. Возле неё — четверо. Не уличная стража: эти были в одинаковых ливреях, при оружии, и выправка у них была не городская, а воинская. Когда я сошёл с последней ступени, старший из них шагнул мне навстречу и склонил голову — ровно настолько, чтобы это было вежливо, и ни на палец ниже.

— Мастер Адам? — Это не был вопрос. — Из Грейфолла, спаситель госпожи Элианы? Я остановился.

— Допустим.

— Мой господин, маркиз Эрвейн, желает вас видеть. — Он сделал приглашающий жест в сторону распахнутой дверцы кареты, и за вежливостью этого жеста ясно читалось, что отказа здесь не предполагают. — Прошу. Он не любит ждать.

Глава 9. Маркиз Эрвейн

Карета катила вверх, в кварталы, каких я в этом городе ещё не видел. Шум, теснота и грязь нижних улиц остались позади. Здесь было просторно и чисто, мостовая лежала ровным камнем, дома прятались за оградами и зеленью, и редкие прохожие — все как один господа — провожали чёрную карету с гербом равнодушными взглядами. Я ехал и думал не о благодарности. Я думал о том, что человек, который посылает за тобой четверых при оружии и карету, привык, чтобы являлись по первому зову. И что благодарность у таких людей редко бывает простой. Особняк маркиза Эрвейна оказался под стать всему остальному — не дом, а небольшая крепость светлого камня, с башенками (теми самыми, про которые мне щебетала Элли), с садом и прислугой. Меня провели внутрь, через залы, увешанные старым оружием и потемневшими портретами, в комнату для приёма гостей — светлую, с высокими окнами и мягкими креслами, каждое из которых стоило, наверное, больше, чем весь Грейфолл. Там уже кое-кто был.

Кассия стояла у окна — без дорожного плаща, без тяжёлой сумки, в чистом и явно недешёвом платье, и на миг показалась мне совсем другой женщиной. Но усмешка, с которой она обернулась, была всё та же.

— Надо же, — протянула она. — Герой. Не думала, что

увидишь тебя так скоро. Она оглядела меня с ног до головы, задержавшись на пыльном плаще и тяжёлом мече за спиной.

— И всё в том же виде. В приличный дом — и прямо с большой дороги.

— Тебя, я смотрю, тут уже принимают как родную, — сказал я.

— У меня с его светлостью свои дела, — отозвалась она ровно и больше ничего не прибавила. Пока мы говорили, взгляд мой скользил по комнате — по старому оружию на стенах, по корешкам книг на низком столике у окна. На верхней, потёртой, с тиснением, я мельком разобрал название: «Основы магического искусства». Я отметил это про себя и отвёл глаза. Я хотел было спросить, какие у неё дела с маркизом, но не успел.

Маркиз вошёл быстрым, лёгким шагом — высокий, ещё не старый человек с умным усталым лицом и той непринуждённой уверенностью, какую не сыграешь, а можно только впитать с рождением. Я ждал спеси. Спеси не было.

— Мастер Адам, — сказал он, и, к моему удивлению, протянул мне руку, как равному.

— Не знаю, с чего начать. Вы вернули мне дочь. Всё, что я скажу, будет слишком мало, так что я не стану и пытаться красиво. Просто — спасибо. От меня и от её матери. За его спиной в дверях мелькнуло что-то маленькое и стремительное — и Элли, забыв всякий чин, метнулась через всю комнату и обхватила меня за пояс.

— Я же говорила, что ты придёшь! — выпалила она, сияя.
— Папа, это он, я тебе говорила!

— Говорила, — мягко согласился маркиз, и в усталых глазах его что-то дрогнуло. — Раз сто. Няня увела упирающуюся Элли, и маркиз указал мне на кресло.

Дальше пошёл разговор, какого я давно не вёл, — неспешный, обходительный, со всеми этими лёгкими петлями, за которыми у таких людей всегда прячется дело. Он расспрашивал — учтиво, не в лоб. Откуда я, давно ли с фронта, как простой искатель оказался в одиночку против целой шайки. Я отвечал ровно столько, сколько считал нужным, и ни словом больше. О себе — скупое. Откуда — назвал только город: Грейфолл. Про орду, про осаду, про то, что я там делал, я не обмолвился: чем меньше обо мне знают, тем целее я буду. Но маркиз знал и сам.

— Грейфолл, — повторил он, и что-то в его лице переменилось. — Это ведь тот городок на самой окраине, на который недавно навалилась орда из Предела? О нём теперь говорят по всему Корвенгарду. — Он помедлил, глядя на меня поверх бокала.

— И, если верить слухам, был там один искатель. Один. Который вышел против исполина, какого не брали ни железо, ни огонь, — и одолел его сам. В этот самый миг Кассия, до того скучавшая у окна, повернула голову и стала слушать — внимательно, уже не таясь. Я выдержал его взгляд и промолчал. Подтвердить или отрицать значило одинаково

много сказать.

— Должно быть, выдумки, — обронил я наконец. — На фронтире любят приврать.

— Должно быть, — согласился маркиз с лёгкой, всё понимающей улыбкой и настаивать не стал. О хозяйской искре, что я в тот же день продал в Гильдии, он тоже не сказал ни слова — но я почти не сомневался, что и про неё ему уже доложили.

— Странное дело, — заметил он, помолчав. — Городок на краю света, фронтирный искатель — и надо же, какая удача для моей дочери. Судьба любит загадки. Давно вы решили идти в Корвенгард?

— Давно, — сказал я. — В Грейфолле меня больше ничего не держало. Он кивнул, будто услышал ровно то, что хотел, — и в то же время ничего. Он был благодарен — искренне, тут я не ошибался. Но за благодарностью, в самой глубине умных глаз, сидело ещё кое-что: спокойное, цепкое любопытство. Человек, которому вернули дочь, — и который очень хотел бы понять, кому именно он теперь обязан.

— Я в долгу перед вами, мастер Адам, — сказал он наконец. — И не люблю оставаться в долгу. Назовите, чего вы хотите. Золото? Я слышал, у вас и без того теперь водится, но лишним оно не бывает. Место при дворе? Моё покровительство? Я многое могу. Скажите прямо — чем вас отблагодарить. Я ответил не сразу. Золото у меня было, места при дворе я не хотел. Но кое-что в этом доме я заметил ещё в

самом начале — и теперь, когда награду предложили прямо, уже знал, чего попрошу.

— Те книги, у окна, — сказал я, кивнув на низкий столик. — «Основы магического искусства». Они ведь о настоящей магии? Маркиз проследил за моим взглядом и чуть приподнял брови.

— О ней. Балуюсь на досуге, хотя дара у меня нет ни на грош. А что — вас занимает магия?

— Занимает, — сказал я. — Силы во мне довольно, а магии нет вовсе — хоть я и чувствую, что где-то она во мне заложена. Сам я её не возьму, а показать было некому. Если ваша светлость и впрямь хочет меня отблагодарить — мне не нужно ни золота, ни места при дворе. Научите меня магии. Маркиз посмотрел на меня долго и с новым, ещё более острым интересом. Воин с фронта, отказавшийся от золота и места ради магии, — я понимал, что только что показал ему что-то о себе, и что он это «что-то» бережно отложил в сторону, на потом.

— Что ж, — сказал он наконец и улыбнулся. — Это куда любопытнее золота. Только книгами тут не обойтись: магия без наставника — что меч без руки. Если уж благодарить, так благодарить. — Он поднялся. — Я найду вам учителя. Настоящего. Приходите через два дня — и всё будет готово. Об остальном не думайте, это моя забота. Я хотел возразить, что это слишком, но по его лицу было видно: спорить бесполезно. Этот человек не умел благодарить наполовину.

Я кивнул. Настоящий наставник — то, чего не купишь и не отнимешь силой, — был обещан мне походя, в уплату долга. Я пришёл сюда отдать долг вежливости и убраться, а уходил с обещанием того, к чему сам не нашёл бы и подступа. Что бы ни пряталось за учтивостью маркиза — а что-то там, в самой глубине умных глаз, пряталось, в этом я не сомневался, — начало он мне давал доброе. Об остальном — о том, что за человек этот маркиз и чего ему на самом деле от меня нужно, — я подумаю после.

Из особняка мы с Кассией вышли вместе. Уже у дверей маркиз придержал её — на пару слов, негромко, в стороне. Я не слышал, о чём; да и не прислушивался. Когда она догнала меня на крыльце, лицо у неё было совершенно обычное.

— Значит, маг, — сказала она, едва мы отошли. — Подумать только. Тот самый герой, что режет людей в темноте, как репу, собрался корпеть над книжками и махать пальчиками. — Она фыркнула. — Жаль, не увижу. Из тебя выйдет преуморительный ученик.

— Завидуешь, — сказал я.

— Смертельно, — согласилась она без тени зависти. Мы прошли несколько шагов молча, и я уже думал, что на этом мы и распрощаемся — наконец-то каждый своей дорогой, как она мечтала с первого дня. Но Кассия вдруг остановилась.

— Ты, между прочим, мне должен, — заявила она. — Это ведь я довела девчонку до отца. Я тебя ему назвала. Без меня

сидел бы ты сейчас в каком-нибудь клоповнике, а не пил вино у маркиза. Так что с тебя ужин, герой. Сегодня. Я опешил.

— Ужин.

— Ужин. Хороший, в приличном месте. Должок есть должок. — Она оглядела меня и поморщилась. — Только вот в таком виде я тебя никуда не поведу. Ты похож на разбойника, которого только что выпустили из ямы. В столице за такой наряд тебя и на порог не пустят, не то что за стол. И, не дожидаясь ответа, она развернулась и зашагала вниз по улице — туда, где, как она бросила через плечо, были «нормальные лавки, а не та рвань, что у вас на фронтире». Спорить было бесполезно. Это я уже усвоил.

Глава 10. Должок

Я шёл за ней и совершенно не понимал, что происходит. Ещё вчера эта женщина мечтала отделаться от меня, как от репья на плаще. Забрала всю казну, попросалась так, чтобы я уж точно не вообразил лишнего, — и вот, пожалуйста, ведёт меня по столичным лавкам, будто это самое обычное дело на свете. То гонит прочь, то не отпускает. Я привык понимать людей. Дома это было моим ремеслом — разбирать человека на части, видеть, чего он хочет и чего боится, раньше, чем он сам себе в этом признается. Здесь к ремеслу прибавилась система: она давала мне любого насквозь, до последней цифры. Любого — кроме неё. Кассия с самого начала оставалась для меня закрытой дверью, без единой щёлки, и теперь, мечась между «уйди» и «останься», запутала меня окончательно. Я шёл за ней по чужому городу, увешанный свёртками, как мальчишка-носильщик, и спрашивал себя только одно: зачем ей это? Ответа у меня не было. А она будто и не замечала моего недоумения. В лавках Кассия хозяйничала, как у себя дома. В первой же сняла с полки тёмную рубашу, приложила к моим плечам, отбросила, взяла другую — «эту, и не спорь, в синем ты будешь похож на утопленника». Лавочник кланялся и звал её по имени; её здесь знали, и не как случайную покупательницу. Дальше были ремень, сапоги, плащ без фронтальной грубости, а под конец — тёмный

наряд простого, но дорогого сукна, какой носили люди не из последних, но и не лезущие на глаза. Торговалась она зло и весело, сбивала цену вдвое, и торговцы уступали ей, посмеиваясь, как уступают своей. Меня при этом она почти ни о чём не спрашивала. Совала в руки то одно, то другое, разворачивала за плечи к свету, отходила, оглядывала, прищурившись. «Плечи у тебя ничего, а вот ходишь так, будто всё время кого-то выслеживаешь. В городе так не ходят». — «А как ходят?» — «Будто им принадлежит улица. Учись, пока я добрая». Я не учился — я смотрел, как это выходит у неё самой: легко, по-хозяйски, как у человека, который твёрдо знает, что улица и впрямь его. И думал, что вот он, человек на своём месте, в своём городе. А я и в собственном-то мире давно уже был не на месте. И всё это время она показывала мне город — не нарочно, походя, бросая через плечо. Вон там менялы, к ним не суйся, обдерут. Тут оружейник, честный, если что понадобится. Площадь с утренним рынком, храм с зелёной крышей, мост через реку

— тот самый, про который мне щебетала Элли. А по этой улице вечером лучше не ходи. Я слушал и запоминал, и чужой огромный город, ещё утром бывший для меня сплошной серой стеной, понемногу складывался в голове в карту — её глазами. Это было полезно. Так я себе и сказал: полезно, не более. К сумеркам от фронтирного бродяги, вошедшего утром в ворота, осталось немного. И тут я поймал себя на том, что мне просто хорошо. Не от обновок — от само-

го этого вечера: чужого города, тёплого гомона, лёгкой перебранки с торговцами, заботы, пусть и насмешливой. Обычный человеческий вечер, каких у меня не было уже очень давно — с тех самых пор, как оборвалась прежняя жизнь. И этим «давно» меня тут же и кольнуло. Я повернул большим пальцем кольцо на безымянном — то самое движение, бессознательное, как дыхание. Мира. Лео. Вот где остался мой вечер, мой стол, мой дом. А здесь я не живу. Здесь я только прохожу насквозь — домой. И размякать на полпути мне нельзя. Я загнал это поглубже и пошёл мерить сапоги. А Кассия, отвернувшись к лавочнику, на миг проводила меня странным, внимательным взглядом — совсем не насмешливым. Но я этого уже не увидел.

Свёртки с обновками оттягивали мне руки, когда она, уже под вечер, спросила — буднично, между делом:

— А остановился ты где?

— Пока нигде, — сказал я. — Только пришёл. Она остановилась, повела носом — нарочито, всем лицом — и поморщилась.

— Оно и чувствуется. От тебя, герой, разит так, будто ты не мылся с самого Грейфолла. Год, не меньше. — Она отступила на шаг, словно для убедительности. — Новая рубаша поверх такого духа — только людей смешить. За стол со мной ты в таком виде не сядешь, и не мечтай. Сперва отмокнешь.

— А я, кажется, ещё не соглашался ни на какой ужин, —

заметил я.

— Соглашался. Просто пока об этом не знаешь. — Она уже шагала дальше. — Идём. И не отставай. Спорить было бесполезно. Это я уже усвоил. Она привела меня в постоянный двор — не в первый попавшийся, а явно знакомый ей: чистый, крепкий, в тихом переулке, с хозяином, который при виде Кассии засуетился и закивал, будто она тут не гостья, а кто-то, кому не отказывают. Договорилась она в три слова: комната для меня наверху — и купальни. Купальни при дворе были не простые: на горячих источниках, что били прямо из-под земли. Общие, для всех постояльцев, но с отдельными половинами — мужской и женской. На фронтире о таком и не слыхали. Я отметил это — про себя, по давней привычке всё подмечать. Она не просто терпела меня до ужина. Она знала, куда меня вести, её тут принимали как свою, и устроила так, чтобы ночевал я там, где удобно ей. Что-то она вокруг меня слишком уж хлопотала — для женщины, которая ещё вчера мечтала от меня избавиться. За этим что-то стояло; я это чувствовал, но пока не понимал что. Ломать над этим голову прямо сейчас я не стал — разберусь после. Не портить же из-за одной смутной догадки первый спокойный вечер за долгие месяцы.

— Час тебе, — сказала Кассия, бросив мои свёртки на лавку. — Отмокни, отскреби с себя дорогу и оденься как человек. Я вернусь. И не вздумай улизнуть, не заплатив мне ужином, — из-под земли достану. Сама она ушла — куда, я

не спросил.

Мужская половина была просторной и полутёмной. По каменным чашам, парясь, текла горячая вода прямо из земных недр; пахло мокрым камнем, паром и чем-то едва уловимым, сернистым — запахом самих источников. В этот час я был там почти один.

Я давно не сидел вот так — в горячей воде, в тишине, когда ничто не лезет тебя убить и не нужно держать руку у ножа. С плеч, с рук, с волос сходила дорога: пыль Предела, копоть Грейфолла, чужая и своя кровь, месяцы, в которые я ни разу не был ни сытым, ни чистым, ни спокойным разом. Я тёр себя, пока кожа не покраснела, и чувствовал, как вместе с грязью сползает что-то ещё — фронтир, который въелся в меня крепче любой грязи. И в этой тишине, как всегда, стоило мне остановиться, ко мне пришёл дом. Мира любила, чтобы я отмокал подолгу, — говорила, что иначе я тащу в постель полдня работы. Лео норовил залезть в воду прямо в одежде, и мы вылавливали его вдвоём, и хохотали, и потом полночи сушили ту дурацкую пижаму с верблюдами. Горячая вода, пар, запах чистого тела — раньше всё это значило только одно: вечер, семья, дом. А теперь не значило ничего. Просто горячая вода в чужом городе, за тысячу миров от всего, что когда-то было моим. Я стиснул зубы и домылся молча. И всё же — себе-то я мог не врать — было в этом что-то почти забытое. Кто-то наперёд подумал, где я лягу спать, чем смою с себя дорогу, во что оденусь. Обо мне про-

сто позаботились — грубо, насмешливо, будто из-под палки, но позаботились. На фронтире этого не делал никто: там я сам был тем, кто заботится о других, а потом хоронит их. И только теперь, в горячей воде, я понял, как соскучился по самой обыкновенной заботе — той, что осталась дома, вместе со всем остальным. Когда я вышел — чистый, в новой тёмной рубаше, в добротном наряде, — из мутного зеркала на стене на меня глянул кто-то почти забытый. На один короткий, обманчивый миг я узнал в отражении себя прежнего: человека из дома, из другого, навсегда потерянного мира, который когда-то по утрам наскоро брился перед зеркалом в прихожей и спешил на работу, чтобы вечером вернуться к Мире и Лео. Сердце дёрнулось — и наваждение схлынуло. В зеркале снова стоял тот, кем я стал здесь, только отмытый и прилично одетый. Лицо — почти горожанина. А вот глаза остались прежние: не глаза человека, спешащего на службу, а глаза того, кто слишком хорошо научился убивать. Я снова повернул кольцо на пальце. Не для красивого вечера я отмывался и одевался во всё новое. Чистым и одетым проще делать то, ради чего я сюда пришёл: спускаться в Колодец, искать скупщика, идти к Ордену — и домой, домой, чего бы это ни стоило. Ужин с Кассией был всего лишь ужином. Должок. Не больше. Я повторил это себе дважды. И во второй раз поверил уже чуть меньше, чем в первый.

Кассия вернулась ровно через час — будто отсчитала его по каплям. Только вернулась не та Кассия, что весь день тас-

кала меня по лавкам. Я спустился в общий зал — и сбился с шага. Дорожной пыли как не бывало. На ней было платье — тёмное, простого, глубокого цвета, явно недешёвое: из тех, что ничего не кричат, а просто очень ладно сидят. А сидело оно так, что я, как ни уговаривал себя держать взгляд выше, нет-нет да и сбивался. Оно ничего не выставляло напоказ — лишь мягко повторяло линии, которые днём прятались под дорожным плащом да бронёй. Пепельные волосы, прежде кое-как подобранные, теперь лежали свободно. Что я всё-таки мужчина, в эту минуту я ощутил куда отчётливее, чем мне хотелось бы. А она, в свой черёд, оглядела меня — и на мгновение запнулась. Всего на мгновение, но я успел заметить. Потом усмешка вернулась на место.

— Надо же, — протянула она, оглядев меня с ног до головы, на этот раз без брезгливости. — А под грязью, оказывается, прятался человек. Почти приличный. — Она склонила голову набок. — Жаль, глаза не отмываются. С такими глазами тебя всё равно примут за того, кто ты есть.

— И за кого же?

— За того, кто за ужином, чего доброго, кого-нибудь да прирежет, — сказала она легко. — Идём, герой. Ты обещал меня кормить. Она проговорила это с явным одобрением, будто и впрямь перечисляла мои достоинства. Странная женщина. Но и этот вечер я решил провести с толком. Раз уж ужина не миновать — пусть он будет разведкой. За столом, под вино и болтовню, можно вытянуть из неё всё, что мне

нужно знать о городе: про здешние порядки, про Колодец, про то, как искателю выбиться из бронзы в серебро и стать в Гильдии не последним человеком. Обо всём

— кроме Ордена; о нём за чужим столом, на людях, я не заикнусь. Это всё — ступеньки. И ведут они к одному: уйти отсюда домой как можно скорее.

Глава 11. За столом

Ресторан, куда привела меня Кассия, был из тех мест, куда меня ещё утром — фронтирного бродягу — не пустили бы и на порог. Тёплый свет десятков ламп, тёмное дерево, белые скатерти, негромкий гул сытых, довольных собой людей. Пахло жареным мясом, печёным хлебом и пряностями, которых я и не знал. Кассию здесь, как и везде, похоже, знали: хозяин сам провёл нас в тихий угол у окна и отодвинул ей стул — как гостье, которой здесь давно и охотно рады.

Еду она заказала, не спросив меня. Для начала на стол лёг тёмный, ещё горячий хлеб с хрустящей коркой, масло, тающее от одного касания ножа, и вино — красное, плотное, куда лучше той кислятины, что я последний раз пил в Грей-фолле. Я отломил хлеба, сделал глоток, и по телу после месяцев солонины и сухарей разлилось почти забытое тепло. Но размякать было нельзя. Всё это было приятно, однако за столом я работал: мне нужен был город, а Кассия знала его как свои пять пальцев. И, дав ей подобрать от первого бокала, я принялся за дело — осторожно, издалека.

— Расскажи про город, — попросил я. — Кто здесь правит, кого слушают, чего боятся. Кассия отвечала охотно — то ли вино развязало язык, то ли ей просто нравилось, что хоть в чём-то она тут хозяйка, а я невежда. Город стоял на короле и старой знати; знать держала землю, чины и право,

а надо всем — двор, куда таким, как мы, ходу не было.

— Вроде твоего маркиза, — сказал я как бы между прочим. — Эрвейн. Влиятельный человек?

— Очень. — Она покрутила бокал. — Старая кровь, древний род, место при дворе. С ним считаются те, с кем считается сам король. Таких в Корвенгарде по пальцам пересчитать. Тебе крупно повезло, что ты вытащил из той телеги именно его дочь.

— А маркиз — это вообще высоко? — спросил я. Титулы тут, как я уже понял, значили немало, и я хотел понять, с кем меня свела судьба. — Как у вас вся знать устроена? Кто кого выше? Кассия медленно опустила вилку и уставилась на меня.

— Ты что, и этого не знаешь? — спросила она с искренним недоумением. — Серьёзно? Да это любой мальчишка на рынке знает. Ты откуда вообще такой взялся, герой?

— С фронта, — сказал я ровно. — Там не до титулов. Там бы дожить до утра.

— Оно и видно. — Она качнула головой, не то насмешливо, не то с любопытством, и всё же сдалась. — Ну слушай, темнота. Это просто, как лестница, — снизу вверх. — Кассия начала отгибать пальцы, по одному на каждую ступень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.